

ЭЛОХИМ

Эл М.Коронон

Эл М Коронон

ЭЛОХИМ

«Автор»

2016

Коронон Э.

Элохим / Э. Коронон — «Автор», 2016

"A page turner" - так говорят о книгах, захватывающих читательское внимание и заставляющих жадно переворачивать прочитанные страницы. Такова и книга Эл М. Коронона "Элохим". Перед взором читателя словно кинокадры проходят события романа, разворачивая панораму причудливо-фантастического мира, полного интриг и авантюры, в которые часто вторгаются высшие силы. Запретная и преступная любовь, ненависть и лесть, коварство и страсть, побег и преследование - вот главные пружины сюжетной канвы романа о событиях, оказавших колоссальное влияние на дальнейший ход истории всего человечества.

© Коронон Э., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Книга 1	5
Анна	5
Рассказ Сатаны о грехоподении, или О том, почему Адам «пахал» на Бога бесплатно	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эл М Коронон

Элохим

Книга 1

Анна

“Eloi, Eloi, lamasabachthani?”
(*Мк. 15:34*)

25-го числа месяца Кислева в 3741 г. от Сотворения (20 г. до Р.Х.) во Дворе священников иерусалимского Храма произошло, на первый взгляд, незначительное событие, которое изменило ход мировой истории на последующие две тысячи лет. Оно началось примерно так:

1

– Элохим! Подожди! Не режь!

Элохим отвел нож от горла ягненка, обернулся к толпе и стал искать глазами того, кто прервал жертвоприношение. Голос показался ему до боли знакомым, хотя было трудно определить, откуда он шел. Эсрат Когеним¹ был набит битком. Народ собрался в Храме праздновать Хануку.

Из толпы вышел вперед мужчина средних лет, среднего роста, с узкими покатыми плечами и обрюзгшим телом. По когда-то красивым стрельчатым бровям Элохим узнал в нем Рубена, друга детства.

Воцарилась тишина.

– Элохим, – сказал Рубен, – твоё жертвоприношение не может быть богоугодным.

Все удивленно посмотрели на Рубена. В толпе поднялся неодобрительный гул.

– Да, да! – возвысил голос Рубен, стараясь перекрыть всех. – **И-и-ибо!** – он растянул короткое «ибо», перевел дыхание и оглянулся вокруг. Люди затихли.

– Ибо, тот, кто бесплоден, тот, кто не оставил своего семени среди сынов Израилевых, не имеет права приносить жертву ХаШему.

Он говорил громко и внятно.

– Сын Давидов не дал нам наследника. Мы лишились царства Давида, теперь у нас нет и его наследника.

В словах Рубена звучала суровая правда. Но Элохим знал, что не правда движет Рубеном, а нечто другое.

Ровно двадцать лет тому назад, в такой же день Хануки, Элохим впервые увидел Анну (Hannah), дочь Второсвященника рабби Иссахара. Она стояла в Эсрат Насхиме² у полукруглых ступенек, ведущих к Никаноровым воротам. По этим ступенькам Элохим с Рубеном поднимались следом за их отцами, чтобы перейти в Эсрат Йисраэль³. На какой-то миг взгляды Анны и Элохима встретились.

– Это она! – дрожащим голосом прошептал Рубен.

---

¹ Esrat Kohanim – Двор священников в Храме.

² Esrat Nashim – Двор женщин.

³ Esrat Yisrael – Двор сынов Израилевых. Только евреи могли входить во внутренние дворы Храма.

Рубен давно обещал Элохиму показать девушку, в которую был влюблен «всем сердцем». Он считал себя самым близким другом Элохима, чем очень гордился, хотя и полагал, что он привлекательнее Элохима. Иссиня-черные волосы, чистая белая кожа в сочетании с длинными ресницами и стрелчатými бровями, унаследованными от далекого предка царя Саула, придавали лицу Рубена какую-то женственность. Элохим был белокурым и голубоглазым, как его предок Давид. Саул ростом превосходил Давида на голову, но у их потомков все вышло наоборот: Элохим был выше Рубена. Черты его лица были по-мужски выразительны: высокий ровный лоб, прямой нос с едва заметной горбинкой, решительные узкие губы, волевой подбородок с ямочкой. У него был удивительно проникновенный голос: глубокий бархатный баритон с металлом. Он был крут и немногословен. Рубен, наоборот, был болтлив и славаш.

Мужчины обычно робели перед необыкновенной красотой Анны. И Рубен не был исключением. Он долго упрашивал Элохима проскользнуть во Двор женщин и вместе поговорить с Анной. Видимо, хотел покорить ее не только своей «неотразимой» внешностью, но и дружбой с Элохимом, прямым потомком царя Давида.

Анна была достаточно мудра, чтобы понять причину робости мужчин и оценить тех, кто мог в себе ее преодолеть. Элохим был первым, в ком при встрече она не вызвала никакой робости. И это ее приятно удивило. Слушая нудное душеизлияние Рубена, она не могла оторвать взгляда от Элохима. Подлинный разговор шел между ними, безмолвно, в их взглядах.

Выслушав признание Рубена, Анна лишь рассмеялась и убежала к своим подружкам. Рубен самодовольно улыбнулся, нисколько не сомневаясь в успехе.

Однако, через три месяца Рубен был ошеломлен, узнав о помолвке Элохима и Анны. Он почувствовал себя преданным лучшим своим другом и перестал разговаривать с Элохимом.

Прошел год. Анна и Элохим обвенчались. Позже Рубен также женился, на близкой подруге Анны, которая была его двоюродной сестрой. Ася родила ему двух сыновей и трех дочерей, тогда как брак Анны и Элохима оказался бесплодным.

Ревность Рубена переросла в скрытую враждебность, тлеющую годами медленным огнем, питаемым злорадством по поводу их бесплодия. Все эти годы Рубен жил одной мыслью отомстить Элохиму и терпеливо ждал своего часа. И час пробил теперь, спустя двадцать лет, в день Хануки. После недавней смерти отца, в статусе нового главы дома Давида, Элохим впервые должен был принести жертвоприношение перед всем народом.

– Если Господь Бог не дает сына Элохиму, значит, Он отвергает его, – продолжал Рубен, обращаясь ко всем.

Люди молчали. Рубен посмотрел на Элохима и поймал его холодный пронзительный взгляд. Рубен обомлел. Дрожь прошла по всему телу. Он испугался собственной смелости и, понизив голос, спросил Элохима:

– Разве я не прав, Элохим!?

Элохим ничего не ответил, поднялся и передал нож Иосифу, младшему брату. Затем он поклонился Храму и скрылся за Никаноровыми воротами.

2

Там, за бронзовыми дверями Никаноровых ворот, Элохим оказался на полукруглой лестничной площадке лицом к лицу с огромной толпой, заполнившей весь Двор женщин. Все взоры моментально устремились на него. Анна находилась среди женщин внизу справа, прямо у ступенек. Их взгляды встретились как двадцать лет тому назад. На какой-то миг Элохим застыл на месте, а потом так стремительно сбежал по ступенькам, что люди невольно расступились перед ним, освободив дорогу к выходу на другом конце двора. Элохим ускоренным шагом прошел через весь двор, но уже у Прекрасных ворот, не удержавшись, выбежал наружу.

Увидев Элохима, его телохранители тут же подбежали к нему. Он их оставил здесь перед тем, как войти во внутренние дворы Храма.

– Пробежите дорогу! Живо! – приказал Элохим.

Вся площадь огромного Эсрат Гойима⁴ также была запружена людьми. Прорваться к Тройным воротам⁵ им удалось с большим трудом. Уже на площади Офел, перед южными стенами Храма, Элохим вскачил на своего арабского коня.

– Ждите здесь Анну и Иосифа!

Он яростно подстегнул коня и умчался прочь, оставив телохранителей в полном недоумении.

Через некоторое время свежий зимний ветер несколько остудил его ярость. Элохим ослабил вожжи и позволил коню идти вольной поступью. На душе по-прежнему было тяжело. Но, по крайней мере, он теперь мог спокойно обдумать случившееся.

До сегодняшнего дня Элохим пользовался большим уважением у жителей Иерусалима. Среди иудеев он был самым богатым человеком. Лишь сириец Сарамалла, близкий друг царя Ирода, превосходил его своим богатством. Многочисленные стада крупного и мелкого скота Элохима паслись на пастбищах по всей Иудее и Самарии. Львиная доля мяса и шерсти, продаваемых на рынках Иерусалима, поставлялась людьми Элохима. Он же был главным поставщиком жертвенных животных Храму во время празднеств.

Но уважение людей он завоевал не только и не столько умением вести крупное хозяйство, сколько своей щедростью и искренней заботой о нуждающихся. Всю прибыль он ежемесячно делил на три равные части. Одну отдавал Храму, другую распределял между сиротами, вдовами и нищими, а третью оставлял для нужд своей семьи и собственного хозяйства.

Теперь он был задет за живое, глубоко уязвлен. Рубен коснулся больного места в его семейной жизни. Брак с Анной был счастливым. Они любили друг друга так же сильно, также страстно, как двадцать лет тому назад, не теряя все эти годы надежды на то, что Бог рано или поздно пошлет им наследника.

Но теперь он потерял всякую надежду. Выходка Рубена поставила его перед лицом горькой правды. В ушах все еще звенели его слова: «Значит, Бог отверг его». И вся беда состояла в том, что он не знал, что на это ответить. Он действительно ощущал себя отверженным.

Рубена он знал давно, с детства. Тот не посмел бы унижить его с глаза на глаз. Другое дело при людях, в Храме, в праздничный день. Элохим не мог наказать его на месте.

Сидя с поникшей головой на коне, он бесцельно блуждал по улицам Иерусалима. Всюду было полно народа. Люди были охвачены праздничным весельем. Среди них его одинокая фигура выглядела странно: он производил впечатление человека, безнадежно затерявшегося в своих тяжелых мыслях.

Постепенно темнело, и Элохим не заметил, как очутился перед воротами своего дома. «Видимо, конь сам нашел путь», – мелькнуло в голове. Сначала он хотел войти в дом, но потом понял, что это выше его сил. Он не сможет продолжать жить по-прежнему и делать вид, что ничего не произошло. Как теперь смотреть Анне в глаза? От одной этой мысли он содрогнулся. Нет, он не сможет вернуться к ней. Ему надо уходить! Но куда? Может к тестю, посоветоваться с ним? Рабби Иссахар ему был близок как отец. Но сейчас Второсвященник в Храме. Вернется домой поздно вечером. Элохим впервые в жизни оказался в полной нерешительности. Он не знал, что надо делать. Знал только, что отныне его жизнь круто изменилась.

---

⁴ Esrat Goyim – Двор джентайлов, куда могли входить как евреи, так и не евреи. Это был самый большой, наружный двор Храма, окружающий внутренние дворы, куда не евреям (goyim), под угрозой смерти запрещалось ступить ногой.

⁵ Sha'ar ha-Huldah – ворота были названы по имени пророчицы.

Он привстал с седла, обернулся и посмотрел в сторону Храма, находящегося на вершине горы Мориа. На всем белом свете не было для него дороже места. Затем он опустил в седло и помчался от дома прочь.

3

Между тем в Храме праздничная дневная служба завершилась. Симон бен Боэтий, Коген Гадол⁶ и рабби Иссаххар, Сеган ХаКодешим⁷ в сопровождении двух мемунихов⁸ удалились в притвор Первосвященника в Святилище.

Присутствующие почтительно уступали дорогу старейшинам, членам Синедриона и главам колен Израиля. У всех праздничное настроение было испорчено неожиданной выходкой Рубена. Но никто ему ничего не сказал. Лишь некоторые из старейшин, проходя мимо, бросали на него укоризненный взгляд. Было очевидно, что никто не одобрял его поступка.

Рубен был уверен в своей правоте и рассчитывал на всеобщую поддержку. Но теперь ему стало ясно, что он допустил непростительную ошибку. Бессмысленно было оставаться в Храме на вечернюю службу. Он отыскал своих сыновей во Внешнем дворе и вместе с ними вернулся домой.

Дочери весело выбежали им навстречу, за ними вышла Ася, жена Рубена. Самая меньшая дочь, любимица отца, кинулась ему на шею. Он нежно обнял ее, вымученно улыбнулся жене и вошел в дом.

Ася была чуткой женой. Существуют на свете женщины, которые как бы созданы только для семьи. От них веет теплом и уютом. Глядя на их милые лица, невольно в голову приходит мысль: «Вот какой должна быть любящая мать и верная жена». Ася относилась к таким женщинам.

Но как и у всех женщин, у нее была своя тайна, о которой знали только Анна и Элохим. Ася была влюблена в Элохима еще задолго до Анны, в чем она призналась ей как своей самой близкой подруге. Перед ее свадьбой с Рубеном Анна, будучи женой Элохима, пригласила Асю к себе, но сама ушла к отцу.

Дверь Асе открыл Элохим. Она потеряла дар речи. В доме кроме него никого не было. Она вошла, и вскоре оба догадались, что Анна намеренно оставила их наедине. Ася упала в объятия Элохима и отдалась ему прямо на полу. На всю жизнь Элохиму запомнились ее жгуче-черные, ниспадающие до плеч курчавые волосы и точеное, мраморно-белое тело. А она унесла с собой самый счастливый миг своей жизни. Больше они никогда не встречались наедине.

Спустя двадцать лет Ася по-прежнему была миловидна. Внешне изменилась мало, и лишь седые нити, вплетенные в ее курчавые волосы, выдавали ее годы.

Ася задержала Ахара, старшего сына, у дверей.

– Что с отцом?

– Не знаю, имэ, – недоуменно ответил Ахар.

– Он не в духе?

– Кажется, да. Всю дорогу от Храма мы шли молча.

Рубен выглядел угрюмым. За праздничным столом дочери, перебивая друг друга, без умолку что-то ему рассказывали. Но он не мог их слушать. Все мысли были заняты Элохимом. Глядя на беззаботно веселые лица своих дочерей, он думал о совершенной им роковой ошибке. Теперь он понимал, что беда нависла над всей его семьей.

---

⁶ Kohen Gadol – Первосвященник.

⁷ Segan HaKodeshim – заместитель Первосвященника, Второсвященник.

⁸ Memunneh (Catholikin) – помощник Первосвященника.

«Что же я натворил? – укорял он себя. – Что станет с ними? Черт меня дернул за язык». В эту минуту он готов был отдать все свое состояние, лишь бы повернуть время вспять: «Господи, помоги!»

Дольше он не мог скрывать душевного смятения и, не выдержав, резко встал из-за стола. Все умолкли и тревожно посмотрели на него. Он попытался что-то сказать, не нашел слов, виновато улыбнулся и вышел из комнаты.

Ему было душно в комнате. Он открыл дверь и прошел в сад за домом.

На свежем воздухе стало легче дышать. Он мысленно вернулся к тому моменту, когда громко позвал Элохима. Ему надо было разобраться.

С чего все началось? Он вспомнил, что при виде Элохима его внезапно охватило какое-то необычное волнение. Он почувствовал приятный подъем духа. А дальше все произошло как во сне. Он не мог понять, как у него из уст вырвалось имя «Элохим». И потом он не мог уже удержаться. Он слышал свой голос, свои слова, и как будто не он, а кто-то другой говорил вместо него. Говорил ясно, правильно и смело. Он был уверен в своей правоте. Был уверен, что она очевидна всем. Он был горд собой. Но когда поймал холодный пронзительный взгляд Элохима, он словно проснулся от сладкого сна и обнаружил себя стоящим во дворе Храма на виду у всех, под их уничтожающими взглядами. И только тогда он понял, что высказал правду не ко времени и не к месту.

Ахар, а за ним Авир, младший сын, вышли к нему в сад.

– Абба, что с вами? – спросил Ахар.

– Ничего, ничего, дети мои, – как бы успокаивая самого себя, ответил Рубен.

– Но, абба, видно же, что что-то случилось, – сказал Авир.

Рубен был хорошим, любящим отцом. Сыновья ему были очень близки. И вообще вся его семья была очень дружной.

– Ахар, боюсь, что случилось непоправимое, – признался Рубен.

Сыновья встревожились.

– Что же, абба? – робко спросил Авир.

Рубен молчал, беспрестанно теребя пальцами бровь над правым глазом. Видно было, что у него тяжело на душе.

– Абба, не скрывай от нас, – сказал Ахар.

Рубен посмотрел на сыновей и тяжело вздохнул.

– Дети мои, каждый в этой жизни хоть раз попадает в жуткую ситуацию. Как в той игре с тремя наперстками и шариком. Однажды еще в молодости я играл в нее на Верхнем рынке. Ты следишь внимательно за движением шарика. Фокусник катает его медленно по столу. И всякий раз ты правильно угадываешь, под каким наперстком спрятан шарик. Но играют и выигрывают другие. И ты даже не подозреваешь, что это сообщники мошенника. Хотя и чувствуешь, что тут что-то не так. Ты продолжаешь наблюдать за игрой со стороны. И вновь угадываешь правильно. Тебя охватывает азарт, какой-то подъем духа. Но ты удерживаешь себя. И опять угадываешь правильно. Мошенник замедляет движение рук и прячет шарик под средним наперстком. Как никогда ты уверен, где шарик. Не удержавшись, ты ставишь все свои деньги на кон и указываешь на средний наперсток. Фокусник поднимает наперсток, и ты, к своему ужасу, узнаешь, что именно в этот раз не угадал. Шарик был под другим наперстком.

Рубен грустно вздохнул.

– Мне тогда было очень жутко. Хотя фокусник и вернул все мои деньги, но предупредил, что выиграть в этой игре невозможно. Теперь мне так же жутко. Как никогда я был уверен в своей правоте, но ошибся.

– Абба, что же случилось? – умоляюще спросил Ахар.

– Я унизил Элохима. Там, в Храме. Перед всеми.

– Элохима!? – одновременно воскликнули сыновья, не поверив своим ушам.

– Да, дети мои, Элохима. Сам не знаю, как вышло.
– Но зачем? Он же очень хороший человек, – сказал Авир.
– И к нам относился хорошо. Всегда спрашивал о здоровье имэ, – добавил Ахар.
– У него есть и другая черта. В ярости он свиреп и беспощаден. Я его хорошо знаю.
– Но он также добрый, абба. Все так говорят. Все его любят и уважают, – сказал Ахар.
– Мне страшно не за себя, а за вас, за девочек, за мать.
– Но еще можно все поправить, абба, – наивно произнес Ахар.
– Вряд ли.
– Нет, можно, можно! – затараторил Авир. – Давайте пойдём к нему домой! Прямо сейчас! Вместе, втроем. Объясним ему все. Он поймет. Он очень умный, добрый. Он простит. Уверен. Вот увидите, абба!

– Авир прав, абба. Пойдем сейчас! Потом будет поздно!

– Если уже не поздно, – грустно признался Рубен.

– Так давайте не терять времени, – предложил Ахар.

Все трое вошли обратно в дом.

– Мы скоро вернемся, – сказал Рубен жене.

По дороге к Элохиму Рубен поймал несколько укоризненных взглядов прохожих. «Уже пошли слухи», – подумал он.

Дом Элохима находился в Вифезде, за северными стенами Храма, между Овечьим рынком и купальней, недалеко от Овечьих ворот. Он был большой, двухэтажный и выделялся среди других домов по соседству.

Рубен жил в Безете, недалеко от Соломоновой каменоломни, в пятнадцати минутах ходьбы от дома Элохима.

Они вскоре подошли к воротам Элохима, но не успели постучаться, как оттуда вышел Иосиф.

– Мне надо поговорить с Элохимом, – сказал Рубен.

– Его нет дома, – сухо ответил Иосиф.

– А где он?

– Не знаю. Никто не знает. Он вообще не вернулся домой из Храма. Иду искать его.

И Иосиф, не попрощавшись, отошел от них и скрылся за углом.

– Поздно, – сказал Рубен.

– Пойдем, тоже поищем его! – предложил Ахар.

– Нет. Мы не найдем его.

– Что же делать тогда? – растерянно спросил Авир.

– Ничего. Знаете, по дороге сюда я загадал про себя: если мы застанем его дома, то, наверное, все уладится добром. А если нет, то... Рубен не договорил.

– То что, абба? – спросил Ахар.

– То надо быть готовым к самому худшему.

– К чему худшему?

– Он убьет меня, – сказал Рубен. – И не только меня. Если мы его не опередим. Быть может, вот в эти самые минуты он принимает решение о нас. Нам тоже надо принять решение.

– Абба, мне не верится, что он убьет нас, – сказал Авир.

– У него нет иного выбора. Он не из простых. Сын Давидов. А сыны Давидовы никогда никому не позволяли унижать их безнаказанно. Так что кровопролития не миновать.

– Нет, абба, можно миновать! – с волнением сказал Авир. – Надо поговорить с рабби Иссахаром.

– Да, да, абба, – подхватил Ахар, – рабби Иссахар исправит все. Да и Элохим его послушается. Все же – тесть.

Рубен задумался. Рабби Иссахар был единственным человеком, к которому можно было обратиться за помощью. Он всегда находил выход из самых трудных ситуаций.

– Хорошо, пойду поговорю с ним, – сказал Рубен, – хотя сомневаюсь, что от этого что-то изменится. Некоторые вещи в этом мире, к сожалению, просто непоправимы.

4

Дом Второсвященника окнами выходил на площадь Офел. Тут же рядом, неподалеку от Конских ворот, находился дом Первосвященника. Испокон веков первые лица высшего духовенства имели свои резиденции на этом месте, в непосредственной близости от Храма.

Рабби Иссахару едва перевалило за шестьдесят, но он выглядел намного старше. По природе он был добродушным человеком. Рядом с ним люди обретали умиротворенность. К нему часто обращались по спорным вопросам.

Его облик выражал внутреннее благородство и врожденную мудрость. Серебристо-седые волосы и борода, худое, несколько высохшее лицо, испещренное морщинами, одним словом, все в его облике несло отпечаток прожитой сложной жизни. Рабби Иссахар овдовел молодым, ему тогда еще не было и тридцати лет. Жена оставила единственную дочь, которую он любил больше всего на свете.

Он был потомком Аарона по прямой линии. От Аарона до Ония Третьего в течение почти тысячи лет первосвященство переходило от одного его предка к другому. Традиция была прервана Антиохом Эпифаном, эллинским царем Сирии, который впервые отстранил первосвященника от должности. Потомки Аарона надолго потеряли власть в Храме. Царь Антиох также впервые ввел практику назначения первосвященников, что прижилось при Хасмонеях. Некоторые хасмонейские цари стали провозглашать первосвященниками самих себя.

Семнадцать лет тому назад, придя к власти, царь Ирод восстановил дом Аарона в первосвященстве, но при этом не отказался от обычая назначения. Коген Гадолом он провозгласил Анан-Эла, происходящего из рода Аарона, но вскоре был вынужден сменить его восемнадцатилетним Аристовулом, последним отпрыском Хасмонеев. Царь оказался в сети интриг, умело сплетенных своей тещей Александрой, матерью Аристовула. По ее мнению, иудейский трон и первосвященство исконно принадлежали хасмонейской династии. У нее была короткая историческая память, которая не шла дальше Хасмонеев. С помощью царицы Клеопатры ей удалось уговорить всемогущего Марка Антония, и тот принудил царя Ирода отдать первосвященство Аристовулу. Однако год спустя царь утопил Аристовула и вернул первосвященство на короткое время Анан-Элу. Затем, Анан-Эл был смещен Йешуа бен Фабием. Впрочем, также ненадолго. Новым Коген Гадолом был назначен Симон бен Боэтий. Царь был пленен красотой его дочери Мариамме⁹, на которой и женился, как только Симон бен Боэтий стал Первосвященником. С помощью тестя царь рассчитывал прибрать к своим рукам власть над Храмом. Но ему это не удалось, поскольку рабби Иссахар, будучи Второсвященником, своим авторитетом во многом превосходил Первосвященника. В иудейской истории нередко настоящая власть принадлежала не первому лицу, а тому, кто следовал за ним.

Между Коген Гадолом и Сеган ХаКодешимом сложились ровные деловые отношения. Рабби Иссахар поддерживал легитимность первосвященства Симона бен Боэтия в глазах сомневающихся саддукеев и эссеян, крайних ортодоксов веры. Взамен Первосвященник признавал за рабби Иссахаром последнее слово в делах Храма. Многочисленные левиты, священнослужители Храма, а также простые иудеи считали рабби Иссахара законным наследником

---

⁹ «The most beautiful woman of that time». – The New Complete Works of Josephus. Translated by William Whiston; Commentary by Paul L. Maier. Kregel Publications, 1999, p. 517. (Josephus Flavius. Jewish Antiquities, xv.9.3 (320). В дальнейшем AJ – Antiquitates Judaicae).

первосвященства, что не нравилось ни царю, ни Коген Гадолу. Если бы не всеобщая любовь и уважение, которыми он пользовался в народе, они бы с удовольствием избавились от него. Он был прост и доступен в отличие от Первосвященника, которого народ мог лицезреть лишь по праздникам.

Исторически в Иерусалиме существовало два средоточия власти: царский Дворец и Храм. Цари могли превосходить могуществом первосвященников, но при этом Дворец никогда не превосходил авторитетом Храм. Еще пророк Иезеки-Эл закрепил в сознании иудеев превосходство духовной власти над мирской. Возвышаясь на вершине горы Мориа¹⁰, Храм в буквальном и переносном смысле доминировал над городом. Его можно было видеть почти с любой точки. Величественный и таинственный он внушал благоговение, трепет и страх в души людей.

Могущество и авторитет Храма ежедневно поддерживались огромной армией священнослужителей. Более сорока тысяч левитов хранили неприступный бастион веры и древних обычаев. Левиты густой сетью покрывали всю Иудею и контролировали узловые моменты жизни иудеев. Ни одно мало-мальски значительное событие не ускользало от их внимания. В них была сосредоточена вся духовная жизнь народа, и от них исходили все важнейшие решения.

Ни один народ во всей Римской империи, включая самих римлян, не обладал такой мощной армией властителей сердец и умов. Лишь евреи могли себе позволить подобную роскошь. В этом была сила Храма. И с этой силой не могли не считаться ни римские императоры, ни их марионеточный царь в Иудее.

Ежедневное руководство громадной пирамидой храмовой власти отнимало у рабби Иссахара много сил. Но сегодня, в день Хануки, вернувшись домой после вечерней службы, он был утомлен больше обычного. Инцидент в Храме настолько сильно встревожил его, что он впервые в жизни не мог скрыть своего волнения. Только ему одному было известно, что за, казалось бы, малозначительным выпадом Рубена может последовать событие величайшей важности, неведомое ни самому Рубену, ни Элохиму.

Рабби Иссахар ждал этого события давно. Теперь все зависело от действий одного человека – Элохима. Как он себя поведет, что предпримет в ответ? Зная непокорный и крутой нрав своего зятя, ему нетрудно было догадаться о его возможных действиях. Но самое главное состояло в том, сумеет ли Элохим обуздать свой крутой нрав сегодня и прийти к нему перед тем, как что-либо предпринять. Если Элохим не придет, то долгожданное событие так и не наступит. В этом рабби Иссахар был уверен.

Молодые левиты, приставленные Храмом к нему для прислуживания, помогли ему снять священные одежды. Он надел на себя простой белый хитон. Ему подали чашу с яблочным соком.

Через несколько минут Иосиф, юный левит, впоследствии прозванный Каиафой, постучался в дверь. Он сообщил, что приходил Рубен.

– Когда?

– Перед сумерками, рабби. Просил передать, что очень раскаивается и готов извиниться перед Элохимом.

Приход Рубена подтвердил ожидания рабби Иссахара.

– А Элохим не приходил?

– Нет, рабби.

– Сходи к нему домой. Передай, что я хочу его видеть.

Иосиф ушел. Вернулся он через час с вестью о том, что Элохима нет дома и что Анна сильно переживает и встревожена его отсутствием. Второсвященник был озадачен. Неужели Элохим не придет? Становилось уже поздно. Предсказание и реальность расходились.

---

¹⁰ Har HaMoriyya – гора Мориа, Храмовая гора – Har HaBait, Храм – Bait HaMikdash.

В полночь, когда рабби Иссахар уже потерял всякую надежду, Иосиф вновь постучался в дверь и сообщил, что пришел Элохим.

– Слава Богу! – сказал рабби Иссахар. – Скорее проведи его сюда!

Увидев Элохима, рабби Иссахар подозвал его к себе. Они обнялись.

– Знал, что придешь, но не предполагал, что так поздно.

– Виноват, абба.

– Домой заходил? Анна переживает.

Элохим смутился.

– Нет, не заходил. Я спускался в долину Кедрон. Хотел оттуда подняться на гору Соблазна. Но перед тем сел под дубом и уснул. Проспал несколько часов. Проснулся поздно вечером. И вот пришел к вам.

Второсвященник пристально посмотрел Элохиму в глаза.

– Ты пришел за своим мечом?

– Да, абба.

Это был тот самый меч, который Давид снял с поверженного Голиафа и им же отрубил ему голову. На клинке, сразу под эфесом, он кровью Голиафа начертал звезду в виде двух переплетенных треугольников. Каким-то образом, позже меч оказался у Первосвященника Ахимелеха. И он хранил его, завернув в ветхую одежду, вместе со своим ефодом. Когда царь Саул преследовал безоружного Давида, Ахимелех вернул ему меч, за что заплатил жизнью. В память об Ахимелехе Давид, уже будучи царем, передал меч на вечное хранение его сыну Первосвященнику Абиафару. И с тех пор меч Голиафа переходил от одного первосвященника к другому по линии Аарона, оставаясь, тем не менее, собственностью дома Давида. Царь Соломон приказал тем же мечом умертвить идумея Доику, убийцу Первосвященника Ахимелеха. Последующие цари Иудеи во время войн приходили к первосвященникам за мечом Голиафа, а с наступлением мира возвращали его обратно им на хранение. Меч Голиафа был единственным уцелевшим символом древней царской власти. И он принадлежал теперь Элохиму, наследнику царя Давида.

– Стало быть, ты решил твердо? – спросил Второсвященник.

– Твердо, абба.

– Рубен раскаивается и просит прощения. Мог бы примириться с ним?

– Это исключено.

– Почему?

– Я мог бы простить его. Но люди никогда не простят этого мне. Рубен сказал правду. Суровую правду. Только он выбрал неправильное место и время. Он мог бы свою правду высказать мне в лицо наедине или же обсудить ее с вами, абба. Но он решил выступить на людях. Я был унижен при всех. Теперь же он готов извиниться частным образом.

– Понимаю тебя, Элохим. Ты можешь потребовать от него публичного извинения.

– Абба, я ценю ваше доброе намерение. Но вы сами прекрасно знаете, что это не тот случай. Ущерб уже нанесен. Причем, непоправимо. Принародным извинением его не сгладить. Наоборот, такое извинение усугубит ситуацию. Я потеряю всякое уважение в глазах людей, превращусь в посмешище. Вся беда в том, что Рубен сказал правду. А правду ничем, никаким извинением, не отменишь. Я не мог наказать его на месте, там в Храме. Но теперь у меня нет иного выбора.

– Братоубийство, Элохим, крайне нежелательно.

Элохим задумался. Второсвященник его молчание воспринял как слабый луч надежды на мирный исход дела.

– По крайней мере, Элохим, прошу не торопиться. Лучше еще раз хорошенько все обдумать. Может быть, имеет смысл встретиться с ним.

– Не думаю, абба. Рубен понимает, что не оставил мне иного выбора. Друг друга мы знаем с детства. Мне нетрудно предугадать его намерения. Наверняка ему бы хотелось пригласить меня на примирительный ужин и там убить. Нет, абба, не вижу никакого смысла во встрече. Он своим необдуманным поступком поставил и себя, и меня в безвыходное положение.

– Элохим, у него большая семья. Сыновья, правда, уже выросли, но дочери еще малолетние. Жаль их.

– Мне тоже, абба. Если останусь в живых, то их обеспечение возьму на себя. Я заранее попросил бы вашего согласия сделать это через Храм.

– А как насчет сыновей? Отцы ответственны за поступки своих детей, но не наоборот.

– Но сыновья мстят за отцов.

– Не всегда.

– У Рубена не хватит духу напасть на меня в одиночку. Он потащит за собой и сыновей. К тому же я не могу подвергнуть опасности своего брата в будущем. Иосиф еще даже не женат.

– Видимо, ты прав, Элохим.

– Абба, с Рубеном мне все предельно ясно. Он теперь занимает меня меньше всего. Меня волнует сейчас другое... Только затрудняюсь сказать.

– Ты хочешь открыть мне свой сон?

Элохим удивился.

– Как угадали, абба?

– Не угадал, а знал заранее.

Элохим опустил голову и закрыл лицо руками. Было видно, что ему в самом деле трудно продолжать. Он так сидел некоторое время, потом поднял голову.

– Не смущайся, Элохим, расскажи.

– Абба, когда я уснул под дубом, там, в долине, мне приснился странный сон. И с тех пор я не могу избавиться от ощущения, что этот сон каким-то образом связан с тем, что произошло со мной сегодня в Храме. Только не могу понять как?

– Иногда сны несут в себе отпечаток прожитого дня.

– Абба, мне приснилось, что я с мечом в руках сражаюсь с тремя человекоподобными существами. Там было еще четвертое чудище. Оно все время ухмылялось и трусливо пряталось за теми тремя. Эти существа были косматые и сражались против меня голыми руками. Но их длинные ногти были острее моего меча. И они пользовались ими очень умело. Несколько раз сумели поцарапать меня. Но мне все-таки удалось сразить двоих из них. С третьим, самым главным, пришлось возиться долго. Пока мы сражались, четвертое чудище вертелось за этим главным, дразня и отвлекая меня. Но, наконец, одним ударом я отрубил противнику голову. Его кровь хлынула прямо мне в лицо. Я невольно закрыл глаза. На миг мир стал как бы красным. И не успел я открыть глаза, как ощутил сильнейший удар в грудь. Я был отброшен далеко назад и обнаружил себя лежащим на земле. Я быстро вскочил на ноги. Последнее чудище, не торопясь, с ухмылкой на лице, шло прямо на меня. Я ринулся на него и всадил меч ему в грудь. Но меч прошел сквозь его тело, как сквозь воздух, не ощущая сопротивления плоти. Чудище было неуязвимо. И я понял, что оно-то и было самым главным среди них. Затем, чудище вновь ударило меня, на этот раз так сильно, что я потерял сознание. Когда очнулся, я услышал его тяжелые шаги. Чудище подошло ко мне, и я почуял его отвратительное дыхание. Я открыл глаза и увидел его косматую рожу перед своим лицом. Чудище все еще ухмылялось и вдруг замахнулось кулаком, как бы готовясь нанести мне сокрушительный удар. Я закрыл глаза и ждал своего конца. Но удар не последовал. Чудище внезапно исчезло.

Элохим умолк. Рабби Иссахар удивленно посмотрел на него, словно ждал чего-то еще.

– Чтобы мог означать этот сон, абба?

Рабби Иссахар ответил не сразу. От Элохима не ускользнуло, что его мысли были заняты еще чем-то, хотя он и слушал очень внимательно.

– Ты сражался с самим дьяволом, – наконец-то вымолвил рабби Иссахар. – Этот сон предсказывает твоё сражение с Рубеном и его сыновьями. Ты их одолеешь. Но не сможешь одолеть дьявола, ибо он неуязвим. Он же побудил Рубена выступить против тебя.

– Значит, мне приснился дьявол?

– Да. Знаешь, в каждом из нас живет склонность ко злу. То, что мы называем Йетзер ХаРа. В сердце человека Йетзер ХаРа борется с Йетзер ХаТовом¹¹. Дьявол как раз и пробудил в Рубене его Йетзер ХаРа. Но твой сон на этом не кончился. Не так ли!?

– Так, – подтвердил Элохим.

– Тогда продолжай.

– Мне неудобно, абба. К тому же у меня такое ощущение, что вам все мое сновидение уже известно.

– Это не так. Мне известны лишь некоторые приметы.

– Откуда?

– Я открою тебе. Но сначала расскажи вторую половину сна.

– Абба, мне в самом деле неловко вспоминать это даже про себя.

– Знаю. Тем не менее, рассказывай. Так, как видел. Ничего не опуская. Это очень важно.

– Когда открыл глаза, – смущенно продолжил свой рассказ Элохим, – я оказался лежащим в каком-то сарае. Вдруг я услышал голос Анны. Она открыла дверь, улыбнулась и спросила, почему я лежу на земле, но, не дождавшись ответа, она игриво сказала: «Вставай скорее! Чудный день! Пойдем к реке купаться». Я встал, и мы вместе из сарая шагнули прямо на поляну.

– На какую поляну? Не на маковую?

– Да, абба, – вспомнил Элохим, – поляна, в самом деле, была усеяна маками.

– И дул ветер?

– Да, абба, – подтвердил с удивлением Элохим, – знойный ветер. Маки на поляне колышались. Их пьянящий запах вскружил мне голову. Мы вышли на тропинку и пошли вниз по поляне. У края поляны одиноко стояло ветвистое дерево.

– Какое дерево? Не дуб!? – спросил рабби Иссахар.

– Да, абба, дуб. И тропинка вела прямо к нему. Когда мы приблизились к дубу, Анна остановила меня и сказала: «Взгляни, кто там лежит!». Под деревом лежала обнаженная девушка. Прямо на траве. Анна взяла меня за руку и подвела к ней. Я присмотрелся и, к своему ужасу обнаружил, что... Что с вами, абба?

Только теперь Элохим заметил, что Второсвященник слушал его, бледнея все сильнее.

– Не спрашивай ничего. Продолжай.

– Но мне очень неловко.

– Мне не меньше. Но это чрезвычайно важно.

– На траве лежала Анна. Только юная. Я воскликнул: «Это же ты?!». Не веря своим глазам, я смотрел то на Анну, то на девушку. Я одновременно видел Анну такой, какой она была теперь, и такой, какой она была тогда, когда впервые встретил ее. Такое может случиться лишь во сне, абба.

– Очевидно.

– Обе они одинаково улыбались мне. И вдруг Анна сказала: «Ляг с ней!». Голос ее звучал повелительно. Юная Анна протянула мне руку. Я присел у ее ног. Она улыбалась, но в глазах была какая-то вековечная грусть, как у жертвенного ягненка. Она лежала на боку лицом ко мне. Медленно она повернулась лицом к траве и запрокинула ногу за мое бедро. Ее розовое тело змеей скользнуло по траве. Затем она плотно прижалась ко мне. Я ощутил ее жаркое дыхание и тут же проснулся.

---

¹¹ Yetzer HaRa – злой импульс, Yetzer HaTov – добрый импульс.

Рабби Иссахар глубоко вздохнул и сказал:

– Свершилось!

– Что свершилось?

– Предсказание.

– Не понимаю, абба.

– Великое Тайное Предсказание Мелхиседека. Царя Шалема и Высшего Священника Эл Эйлсона.

Элохим по-прежнему недоумевал.

– Видишь ли, Элохим, после битвы девяти царей, Лот, племянник Авраама, попал в плен к Кедорлаомеру, царю Еламскому. Авраам вооружил свой народ и преследовал Кедорлаомера до Хивы и отбил Лота у него. Лот со всей семьей и имуществом вернулся обратно в Содом. И царь Содомский вышел навстречу Аврааму в долине Шаве. Вместе с ним был царь Шалема Мелхиседек. Он вынес Аврааму хлеб и вино. И сказал:

וַיִּבְרַכְהוּ וַיֹּאמֶר בְּרוּךְ אֱבָרָם לְאֵל עֵלְיוֹן קִנְיָה שְׁמַיִם וְאָרֶץ:

Vayevarechechu vayomar baruch Avram le-EL ELYON Koneh shamayim va'arets!

וַיְבָרֵךְ אֵל עֵלְיוֹן אֲשֶׁר מִגֵּן צָרִיךְ בְּיַדְךָ וַיִּתֵּן לוֹ מִעֶשֶׂר מִכָּל:

Uvaruch EL ELYON asher migen tsareycha beyadecha vayiten-lo ma'aser mikol!»¹²

В ответ Авраам отдал ему десятину от всей своей добычи. Все это написано в Берейшите. Но там не написано, что Мелхиседек еще открыл ему Великое Пророчество и повелел хранить его в строжайшей тайне. Это пророчество, известное среди высшего слоя священников как Великое Тайное Предсказание, передавалось лишь устно по линии Аарона от одного первосвященника к другому. Симону, нынешнему Коген Гадолу, его содержание неизвестно. Оно известно только мне, и я должен бы был передать его своему наследнику.

– Йешуа?

– Да Йешуа. Перед Парокетом Кодеш ХаКодашима¹³. Лишь там его дозволено произнести, как это делали мои предки.

– Абба, но я не понимаю, как Предсказание Мелхиседека связано с моим сном?

– Прямо. Твой сон, твой приход сегодня ко мне, даже выпад Рубена были предсказаны царем Мелхиседеком.

– Но я мог бы не прийти сегодня. Тогда Предсказание отменилось бы?

– Нет. Тогда его исполнение отодвинулось бы вперед на пару тысяч лет. Нет ничего сильнее Предсказания Мелхиседека. Оно сильнее самой жизни, сильнее отдельной и совокупной человеческой воли. Предсказание непреодолимо предопределяет события.

– Стало быть, мои действия предопределены?

– И да, и нет.

– Непонятно, абба. Лучше скажите, что меня ждет?

– Элохим, даже тебе я не вправе открыть Предсказание Мелхиседека. Я могу лишь подтвердить то, что уже произошло, но не то, что грядет.

Элохим не любил переспрашивать, тем более своего тестя, прекрасно зная, что он из тех, кто говорит ровно столько, сколько возможно.

– Пойдем. Тебе надо взять свой меч.

Они перешли в боковую комнату, в которой хранились святые облачения Сеган ХаКодашима. Из-под них рабби Иссахар достал меч Голиафа и передал его Элохиму. Он был завернут в старую одежду. Элохим развернул ее. Меч был в ножнах. И он вспомнил слова отца: «Не

¹² Быт 14:19–20. Благословен Аврам Богом Всевышним, владеющим Небом и Землей! И благословен Бог Всевышний, отдавший врагов твоих в руки твои!

¹³ Kodesh Ha Kodashim – Святая Святых, Paroket – Завеса Святая Святых.

обнажай меча напрасно, но раз вынул его из ножен, то убей!». Он наполовину обнажил меч и поцеловал клинок.

5

Выйдя во двор, Элохим сложил аккуратно одежду, в которую был завернут меч, и спрятал ее за пазухой. Затем, взял меч за рукоятку. Она удобно легла в ладонь. От меча исходила какая-то сила, и он испытал то редкое чувство, которое может вызвать в мужчине одно лишь соприкосновение с рукоятью смертоносного оружия.

Последний раз он пользовался мечом Голиафа семнадцать лет тому назад во время осады Иерусалима. Он с мечом в руках защищал свой город, свой Храм, но не право Антигона (Маттафия), последнего хасмонейского претендента на иудейский престол. Он сражался бок о бок с сынами Бабы на зубчатых стенах Бираха¹⁴. Дрался храбро, яростно, сразив вот этим самым мечом немало римлян и идумеев. Был сам серьезно ранен стрелой. Она вошла ему в грудь и, едва не задев сердце, уперлась острием в ребро под лопаткой. Он потерял много крови, его укрыли в доме тестя. Лишь умение искусных иудейских целителей и заботливый уход Анны вернули его к жизни.

Антигон тогда потерпел поражение. Сокрушительное. Иерусалим пал после длительной, изнурительной осады. Подобно урагану, римляне и идумеи ворвались в город, сметая на своем пути все без разбора. Они крушили стены, грабили дома, вырезали мужчин, насиловали женщин, протыкали копьями детей, пока Ирод не уговорил Гая Сосия, предводителя римлян, прекратить кровавую вакханалию, пообещав щедро вознаградить каждого легионера. «Римляне ведь не собираются полностью опустошить город и оставить меня царем пустыни?», – с сарказмом спросил тогда Ирод Гая Сосия¹⁵.

Утихомирив римлян и свирепствующих идумеев, своих соплеменников, Ирод взошел на иудейский престол. И первым делом он казнил всех членов Синедриона, пощадив лишь Гилл-Эла, того самого рабби, который осмелился выступить против него когда-то на суде перед Синедрионом. Следующим шагом было решение царя избавиться от лучших сынов Израилевых. Элохим возглавлял его черный список. Его жизнь висела тогда на волоске. Элохима спас рабби Иссахар, которому взамен пришлось признать Ирода царем иудеев и согласиться на его право назначать первосвященников. За это Элохим был глубоко признателен тестю.

Элохим прикрепил меч к поясу, отвязал коня и вышел на улицу.

Было очень темно. Луна слабо освещала улицу. Он услышал шорох. Оглянулся. Кто-то подкрадывался к нему. Элохим одним взмахом вынул меч из ножен. Лезвие сверкнуло при лунном свете, прорезав ночную тишину свистом.

– Элохим, брат, это я, Иосиф.

Элохим вложил меч обратно в ножны.

– Что тут делаешь?

– Искал тебя. По всему городу. Весь день. Потом подумал, что ты у рабби. Пришел сюда и увидел издалика, как кто-то вошел в дом. В темноте не успел разглядеть. Решил дожждаться.

– Долго же пришлось ждать.

– Ничего, брат. Я обещал Анне найти тебя. Она сильно беспокоится.

– Знает ли она про Рубена?

– Знает. Но не от меня. Город полон слухами.

---

¹⁴ Birah – так звали горожане крепость на севере-западе от Храма, которую царь Ирод впоследствии перестроил и переименовал в честь Марка Антония.

¹⁵ Josephus Flavius. AJ. xiv. 16.3 (484).

Слухи о случившемся в Храме распространились мгновенно. Иерусалим всегда жил слухами.

– И что говорят люди?

– Разное. Но все ругают Рубена.

– Стало быть, жалеют меня. Сегодня жалеют, а завтра начнут презирать. От жалости до презрения лишь один шаг. Невозможно жалеть и при этом уважать.

– Нет, брат, не правда. Люди сочувствуют тебе.

– Покамест. Ждут моего ответа.

– Так давай пойдем, накажем его.

– А ты тут при чем?

– Я!? Он унизил меня тоже. Я же твой брат.

– Запомни, ты тут ни при чем. Это касается только меня. Понятно?

– Понятно, брат. Тогда пойдем домой.

– Нет. Ты пойдешь один.

– Я Анне обещал. Она просила найти тебя.

– Ну, ты и нашел меня! Так и скажи. Нашел.

– Что еще сказать?

– Пусть не беспокоится.

– А если спросит, куда ты пошел?

– Не спросит. Знаю ее.

– Пойдешь к Рубену?

– Нет. С ним надо повременить. Ханука только началась. Люди не поймут и не примут.

Надо дать времени расставить все по своим местам.

– Куда же тогда пойдешь?

– Спускаюсь в Царские сады. Переночую там. А утром поднимусь на гору Соблазна.

– А когда вернешься домой?

– Не знаю. Время покажет. Но если не вернусь через три дня, найди меня там. В пещере под самой вершиной на западном склоне. Помнишь, мы с тобой однажды набрали на нее?

– Помню.

– Принеси что-нибудь попить и поесть.

– Хорошо, брат.

– Ну, тогда бери коня и ступай домой.

Элохим передал узду Иосифу. Но тот все еще продолжал стоять на месте. Ему не хотелось уходить без брата. Элохим положил руку ему на плечо.

– Иосиф, мне тоже нелегко. Кажется, отныне у меня нет никакого выбора. Рубен – только начало. А теперь иди.

Не попрощавшись, Элохим отошел от Иосифа и ускоренным шагом направился в сторону Храма. Иосиф смотрел ему вслед до тех пор, пока он не исчез в темноте.

6

У западных стен Храма Элохим перешел через мост над Тайропозеоном¹⁶ на главную улицу Верхнего города. Вскоре он дошел до Газита и, оставив по правую руку Дворец Хасмонеев, свернул направо на улицу, спускающуюся напрямую через Верхний рынок в долину Енном. Уже было далеко за полночь. Улицы были безлюдны. Город спал после первого дня праздничных веселий и набирался сил для последующих семи дней Хануки.

---

¹⁶ Тугороеон – долина Сыроделов, которая разделяла Верхний и Нижний город.

В голове роились разные мысли, перескакивая с Предсказания Мелхиседека на увиденный сон, оттуда на его толкование рабби Иссахаром, а потом на события прошедшего дня. Но он не мог сосредоточиться на чем-то одном.

Прошел несколько перекрестков. «Никого нет, – подумал он, – а что, если кто-то вот сейчас идет по одной из поперечных улиц. И что, если мы столкнемся друг с другом там, впереди, вот на том перекрестке. Случайно. Кто знает, что может случиться? Вся жизнь может измениться от одной этой встречи. У обоих. И ведь этого можно было бы избежать, если бы вот сейчас пойти быстрее... Боже! Что за дикая мысль: избежать неизбежного! Да ведь я, наверное, нарвусь на него как раз из-за того, что ускорил свой шаг! Непостижимо!»

Пока он так думал, впереди кто-то показался из-за угла. В темноте он различил женский силуэт. Она шла ему навстречу. «Женщина? Так поздно? Странно. Кто она?»

Они поравнялись. Это была своего рода городская знаменитость. Сумасшедшая, по прозвищу Дура-Делла. Любимица иерусалимских детишек.

Иудейские города были полны всевозможными юродивыми, помешанными, глухонемыми и прочим несчастным людом. В Иерусалиме, в ожидании чудесного исцеления, великое скопление слепых, хромых, расслабленных, иссохших постоянно копошилось под сводами пяти крытых проходов вокруг купальни у Овечьих ворот в Вифезде, недалеко от дома Элохима.

Но каждый город имел, по крайней мере, пару знаменитостей, по одному от каждого пола. В Иерусалиме ими были Дура-Делла и Длинный Дан. Этот Дан был известен тем, что даже самые рослые сыны Израилевы приходились ему по пояс. Из-за своего гигантского роста он не мог долго стоять на ногах и проводил почти все свое время, сидя перед воротами Верхнего рынка. Единственным его занятием была забота о собственном носовом платке. Он доставал его из одного кармана, сосредоточенно и долго складывал вчетверо, затем перекладывал в другой карман. Но через минуту он вновь вытаскивал платок, проверял, насколько аккуратно он сложен, и опять клал в прежний карман. И так целый день.

Женить Длинного Дана на Дуре-Делле было неувядаемой темой пересудов горожан, а также предметом насмешек назойливой ребятни. Еще издавек услышав громкий певучий голос Дура-Деллы, дети выбегали на улицу ей навстречу. Затем они гурьбой ходили за ней, дразня ее Длинным Даном:

«Дел-ла ду-ра, Дел-ла ду-ра!

А Длинный Дан ей пара!»

Она на детей особо не обижалась, шествовала гордо, с высоко поднятой головой, но иногда резко оборачивалась, и тогда дети пускались врассыпную. А у взрослых появление Дура-Деллы неизменно вызывало какую-то безотчетную светлую радость.

– Элохим, ты чего? Спятил, что ли? Шастать так поздно?

Элохим невольно улыбнулся. И был сильно удивлен. Он впервые слышал, как Дура-Делла обратилась к другому человеку. Обычно Дура-Делла общалась только с небом. Раз в три дня в одно и то же время она с плетеной корзиной ходила через весь город на рынок. По дороге она громогласно ругала и проклинала власти.

– Сволочи! Вам по х*ю люди! Чтоб вы сдохли!

Людам оставалось гадать, кого она имеет в виду, иудейского царя или римского цезаря? Или и того, и другого. Иногда ее спрашивали напрямую. Но она просто игнорировала их. Люди для нее словно не существовали. Будто она была совсем одна под небосводом, в своем собственном причудливом мире.

Лишь у ворот рынка на миг она возвращалась из своего мира с тем, чтобы смерить Длинного Дана презрительным взглядом. И, брезгливо фыркнув в его сторону, она проходила мимо. На рынке она наполняла свою корзину фруктами, овощами, всего понемногу, не спрашивая никого, но строго соблюдая умеренность. И уже на обратном пути непременно бросала Длин-

ному Дану или яблоко, или грушу. Длинный Дан при этом обиженно отворачивался и ждал, пока она пройдет мимо.

Никто толком не знал, откуда она попала в Иерусалим. Поговаривали, что ее пятилетней девочкой какая-то идумейская банда украли с севера, далеко за Араратом. Она была изнасилована всей бандой и брошена на произвол судьбы на одном из пастбищ Самарии. Ее полуживую подобрали пастухи. Она выжила. Но лишилась рассудка. Пока росла, она переходила из одной пастушеской семьи в другую и к тринадцати годам превратилась в девушку редкой красоты. Ее еще раз изнасиловали. На этот раз сами пастухи. И она убежала от них. Каким-то образом оказалась в Иерусалиме за три года до его осады. То ли ее привели, то ли сама добралась. Вот тогда начались ее регулярные вояжи на рынок и громогласное порицание властей. Их не могла прервать даже резня на улицах захваченного города. Римляне не знали, чему больше удивляться – ее красоте или поразительной безучастности ко всему происходящему. Никто из них ее не трогал. Но один идумей свалил ее прямо на улице на землю и начал суетливо насиловать, в то время как она не прекращала «распевать» свои проклятия, обращенные к небу. Пораженные римляне проткнули идумея копьем, а Дура-Делла встала и как ни в чем не бывало продолжила свой путь к рынку.

Элохим не знал, как ответить Дура-Делле, настолько был удивлен ее обращением. Но Дура-Делла и не ждала его ответа. Она прошла мимо. «Вот она задержала меня на какое-то время. Возможно, сама не ведая того, она спасла меня от неминуемой смерти. Быть может, впереди меня ждал камень с крыши. Или же, наоборот, из-за этой задержки я окажусь на том месте и в тот момент, где и когда с крыши свалится камень».

– Не мучай себя, Элохим. Камень уже сорвался с крыши на этой улице. Еще позавчера, и никого не убил. Второй раз упадет не скоро. Иди смело!

Это был голос Дура-Деллы. Элохим обернулся назад. Но она уже растворилась во мгле. Элохим встревожился. «Мерещится? Не схожу ли с ума?». Щипнул самого себя и двинулся дальше. Ускорил шаги. Вскоре добрался до конца улицы, свернул налево и пошел вдоль городских стен. Выйдя за город, он спустился по каменным лестницам в долину Енном, а оттуда прошел к Силоамскому пруду. Там он вышел на проторенную тропинку, которая и привела его в Царские сады.

7

Царские сады когда-то принадлежали его предкам, иудейским царям. Каждый из них, начиная с Давида, сажал там по дереву. Элохим также посадил дерево. На следующий день после женитьбы на Анне. Он часто приходил сюда, любил побродить между деревьями и общаться с ними. Эти тихие разговоры вносили в его душу покой и светлую радость, как ничто другое.

Он хорошо знал все тропинки. Нашел свое дерево. Уселся под ним и прислонился к стволу. Вытянул одну ногу. Положил меч вдоль нее. Откинул голову назад. Закрыв глаза. Покой разлился по всему телу. Дышалось легко.

– Элохим, ты спишь?

Он слышал мягкий добрый голос.

– Нет, – ответил Элохим.

– Есть сон. Есть явь. Еще есть то, что между ними. Глаза спят, но душа бодрствует. Ты видишь закрытыми глазами. Видишь зорче, чем наяву. Видишь ли меня?

Из темноты выступил седовласый худой старик в ослепительно-белом одеянии, чем-то напомнив Элохиму рабби Иссахара.

– Вижу. Кто ты?

– Сам угадаешь. Ты был прав давеча, когда сказал Иосифу, что отныне у тебя нет выбора ни в чем.

– Выбор! Слово-то какое? Вроде бы понятное, но при этом таинственное.

– Как и сама жизнь. Вроде бы понятна, но в то же время таинственна. И выбор заключен в ее средоточии. Он в истоках даже самого что ни на есть малюсенького движения жизни. У Евы почти не было выбора. Ее соблазнил Змей. Ей трудно было устоять. Душа у нее смутилась. Змей был коварнее, сильнее. Другое дело Адам. Руками Евы жизнь предложила ему выбор в чистом виде. Никто на него не давил. Никто ему не мешал. Это был первый человеческий выбор. И он сделал его.

– Он любил Еву, не хотел ей отказать. Как-никак она была его женой.

– Нет. Прежде всего она приходилась ему дочерью. Она вышла из его ребра. После стала женой.

– Дочери тем более трудно отказать.

– Трудно, но возможно, а в его случае даже было необходимо. Одно маленькое движение руки изменило все, нарушило гармонию и внесло в мир столько раздора и страданий. Крупные изменения берут начало всегда с незначительных событий. Выпад Рубена – тоже незначительное событие. И оно осталось бы таким, если бы ты напал на него там, в Храме. Но ты поступил иначе. И Эл Эйлон оценил твой выбор.

– Мелхиседек! Ты царь Мелхиседек! – воскликнул Элохим.

– Благословен Элохим, Сын Давидов, Богом Всевышним, владеющим Небом и Землей! И благословен Эл Эйлон, давший ему Сына!

– Великое Тайное Предсказание.

– Отныне сама твоя жизнь и есть исполнение Великого Тайного Предсказания. День за днем ты проживешь Его, пока Оно не исполнится сполна. Оттого тебе и кажется, что нет у тебя ни в чем выбора. Предсказание не отменимо. Оно как мощный поток реки. Ты попал в поток.

– Но почему я?

– Ибо Он может родиться только в семье сына Давидова и дочери Аароновой.

– Кто Он?

– Сын Эл Эйлونا. Великий Царь и Высший Священник. Спаситель мира.

– Мессия!?

– *Y'varech'cha HaShem v'Yishmerecha!*¹⁷

Мелхиседек внезапно исчез. Элохим открыл глаза. Никого не было. И он тут же уснул глубоким благотворным сном.

8

Анна сидела за столом одна. Стол был празднично накрыт. Иудифь, служанка-моавитянка, постаралась на славу. На столе горели свечи. Но праздничная менора оставалась не зажженной. Только глава семьи мог зажечь восьмисвечие в день Хануки. «Где же ты, Элоим?». Анна не выдержала, встала из-за стола и начала тревожно ходить по комнате.

Вернулся Иосиф. Анна тут же стала допрашивать его:

– Ну что, Иосиф? Нашел его?

– Нашел.

– Слава Богу! Где он? Почему вернулся без него?

– Он ушел. Оставил коня.

– Коня?! Зачем? Куда ушел?

– Не знаю. Сказал, чтобы ты не беспокоилась.

---

¹⁷ Да благословит тебя Бог, да хранит тебя Бог!

– Не беспокоилась!? Боже мой!

Анна безутешно зарыдала. Отошла от Иосифа. Опустилась на стул. Достала платок.

– Он ушел навсегда. Больше не вернется.

– Анна, милая, не плачь. Он вернется. Увидишь.

Анна отрицательно помотала головой.

– Нет. Не вернется. Знаю его.

Она действительно и знала, и чувствовала своего мужа. За двадцать лет совместной жизни она научилась понимать его как никто. Могла угадывать его мысли с полуслова, с одного взгляда, с одного жеста и предвидеть его поступки. Она любила его безмерно и была благодарна судьбе за Элохима. Только бесплодие омрачало их семейное счастье. Но они всегда жили надеждой. Утешали себя тем, что дети иногда рождаются поздно. Как у Авраама и Сарры. Годы проходили. Надежда медленно увядала, уступая место тихому смирению. В бесплодии каждый в глубине души винил себя.

– Он винит себя. Ему стыдно смотреть мне в глаза. Нет, он не вернется.

– Анна, он не сказал, что уходит навсегда.

Анна вытерла глаза, поцеловала деверя и ушла наверх в свою комнату. Пришла Иудифь помочь ей укладываться на ночь.

– Госпожа, не гоже плакать. Праздник ведь. Вы сегодня даже забыли повязать новый платок на голову.

Анна от злости внезапно вскипела.

– Какой еще платок? О чем ты? Забирай его себе и оставь меня в покое!

– Не я же виновата, что Господь закрыл Вам утробу?¹⁸

Иудифь ушла. Анна подошла к окну, которое выходило в сторону Храма. Упала на колени. Прислонилась головой к подоконнику. Слезы текли по щекам. «Господи, помоги! Он не виноват. Верни его домой! Невредимым». Она молилась долго, безмолвно. Потом встала, спустилась вниз и прошла в сад. Там она села под свое любимое лавровое дерево и незаметно для себя уснула.

Приснилась ей маковая поляна. Дул жаркий ветерок. На самом краю поляны находился деревянный сарай. Она подошла к двери и открыла ее. Заглянула. Увидела Элохима. Он лежал на соломе с мечом в руках. Ей показалось, что он спит. Она разбудила его. «Вставай скорее! Чудный день. Пойдем к реке купаться!». Они вместе вышли и пошли по тропинке вниз. На другом конце поляны возвышался дуб. Еще издалека она заметила, как кто-то спрятался за ним. Подошли ближе, и она увидела обнаженную девушку, лежащую на траве под дубом. Она улыбнулась ей. В ней она узнала себя, юной. «Взгляни, кто там лежит под дубом». Следом она услышала сначала, как Элохим воскликнул: «Это же ты, Анна!?!», а потом и свой повелительный голос: «Ляг с ней!».

Юная Анна протянула ему руку. Он присел рядом с ней. Из-за дуба вышел юноша неземной красоты. На правой щеке юноши была маленькая черная родинка, которая мгновенно бросилась ей в глаза, и в них тут же начало темнеть.

– Не смотри на родинку, – предупредил юноша, – смотри прямо мне в глаза.

Анна оторвала взгляд от родинки. Вернулось зрение.

– Оставь их здесь. Пойдем к реке, – сказал юноша.

---

¹⁸ Ср. “And Judith her handmaid said unto her: how long humblest thou thy soul? The great day of the Lord hath come, and it is not lawful for thee to mourn: but take this headband, which the mistress of my work gave me, and it is not lawful for me to put it on, forasmuch as I am an handmaid, and it hath a mark of royalty. And Anna said: Get thee from me. Lo! I have done nothing (or I will not do so) and the Lord hath greatly humbled me: peradventure one gave it to thee in subtlety, and thou art come to make me partaker in thy sin. And Judith said: How shall I curse thee, seeing the lord hath shut up thy womb, to give thee no fruit in Israel?”. – The Book of James – Protevangelium. 2:2.

Она отвернулась. И внезапно почувствовала Элохима в себе. Она никогда не испытывала подобного наслаждения. Юноша улыбнулся и пропустил ее вперед.

– Твоя молитва, Анна, услышана. Элохим вернется.

– Когда?

– На тридцатый день от Хануки.

Они дошли до реки. Юноша повернул ее лицом к себе.

– Еще одна новость. Ты зачала ребенка. Радуйся!

– Когда?

– Только что. Во сне. А наяву еще вчера. В ночь на Хануку.

– Я беременна!? По-настоящему!? – воскликнула Анна.

Юноша рассмеялся.

– По-настоящему, по-настоящему, Анна.

– О, как здорово! И Элохим не знает.

– Мужчины всегда узнают с запозданием. Такова их участь.

– Надо его обрадовать. Пойдем скорее обратно.

– Успокойся, Анна. Его уже там нет.

– Не могу поверить! У нас будет ребенок! Как хорошо! Куда он пошел? Надо срочно сообщить ему.

– Анна, не волнуйся. Это моя забота. Я сейчас иду прямо к нему. А ты войди в воду. Искупайся. А потом возвращайся домой. Но ровно через тридцать дней, в полночь, будь у Шушанских ворот¹⁹. Элохим придет туда.

9

– Проснись, Элохим! Проснись! Уже утро!

Только что рассвело. Птицы шумно пели на деревьях. Было холодно и свежо.

Перед ним стоял юноша с родинкой на правой щеке.

– Благая весть. Анна ждет ребенка.

– Анна?! Беременна! Кто ты?

– Вестник.

– Чей?

– Эл Эйона, Владыки Неба и Земли.

– Значит, Царь Мелхиседек сказал правду!?

– Царь Мелхиседек всегда говорит только правду.

– Но почему Анна мне не сказала?

– Узнала только этой ночью.

– Стало быть, я имел право на жертвоприношение в Храме. И Рубен был не прав.

– Выходит так.

– Что теперь делать?

– Подняться на гору Соблазна, как и задумал.

– Почему не домой?

– Две причины. Время Рубена еще не пришло. Ханука только началась. Нельзя осквернять святой праздник кровопролитием. И, во-вторых, Анна узнала о своей беременности в сновидении. Она еще спит. Скоро проснется. Ей нужно время, чтобы убедиться самой. Тебе придется подождать.

– Сколько?

– Тридцать дней.

---

¹⁹ Sha'ar Susa – возможно те самые ворота в восточной стене Храма, известные впоследствии как Золотые ворота.

– Так долго?

– Увы, такова природа вещей. Тут ничего не поделаешь. Когда наступит срок, она будет ждать тебя у Шушанских ворот. В полночь.

– Но почему Бог допустил, чтобы Рубен мог унижить меня?

– Вопрос не ко мне. Пути Господни неисповедимы. Только Ему одному известен ход событий. Жизнь окутана непроницаемой тайной, скрытой во многом даже от нас. Тайна в истоках самой жизни, в самом зачатии. Женщина узнает о нем не сразу, но позже. Вам выпала великая честь. Вам сделано исключение. Вам чуть-чуть приоткрылась завеса над тайной жизни.

– В чем она?

– В крови, точнее в кровосмешении.

– В кровосмешении? Не понимаю.

– Позже поймешь. А теперь мне пора.

И юноша исчез также внезапно, как и появился.

10

На следующий день, 26-го числа месяца Кислева, рано утром Анна отправилась к своему отцу. Отец был тем единственным человеком, которому она могла доверить самые сокровенные мысли.

Рабби Иссахар не удивился ее раннему приходу и встретил ее радушно, поцеловав как всегда в носик. Она улыбнулась и нежно обняла отца. Он усадил ее рядом на тахте.

– Абба, Элои вчера не вернулся.

– Знаю, Нана.

Рабби Иссахар называл ее с малых лет ласкательно Наной.

– Я так боюсь за него.

– Не волнуйся, доченька. Я его видел. Ночью приходил сюда.

– А куда ушел?

– Не знаю. Но знаю, что ему нужно время, чтобы разобраться во всем.

– Абба, я так боюсь, что он не вернется.

– Вернется, Нана. Он тебя очень любит. И к тому же Элохим не из тех, кто бросает свою жену.

– Я не говорю, что он меня бросил. Ему просто стыдно вернуться домой. Он и прежде винил себя в нашем бесплодии. А после слов Рубена стал сам не свой. Это я заметила в его взгляде, когда он выбежал из Бронзовых ворот. Стоял перед всеми весь бледный, растерянный. А с растерянным человеком всякое может случиться.

– Думаю, теперь он скорее озабочен, нежели растерян.

– Чем, абба?

– Будущим. Твоим, своим будущим, – ответил рабби Иссахар и неожиданно для Анны прибавил: – Будущее иногда рождается из сновидения.

Анна вспомнила свой сон. Ей захотелось рассказать его. Но смутилась, вспомнив подробности. В то же время она не могла решить: верить сну или нет?

– Почему смутилась, Нана?

– Вспомнила свой сон.

Второсвященник изменился в лице.

– Абба, что с тобой?

– Ничего, родная. Могла бы ты рассказать?

– Нет, абба. Могу только сказать, что во сне мне сообщили, что я забеременела. Но не знаю, можно ли верить снам?

– Нельзя, конечно, верить всякому сну. Но сны бывают разные. Вещие сны сбываются. Причем некоторые один к одному, а другие – прямо наоборот. У меня предчувствие, что тебе приснился вещий сон. Ты можешь не рассказывать. Но ответь на мои вопросы.

– Хорошо, абба.

– Элохим приснился?

– Приснился.

– С мечом?

– Да, – удивилась Анна.

– А юноша?

– Откуда о юноше знаешь, абба?

– С родинкой? – не ответив на вопрос, продолжил рабби Иссахар.

– Да, на щеке, – ответила Анна, все больше и больше удивляясь.

– На какой?

– Не помню. А что это важно?

– Очень. Постарайся вспомнить. Но если не уверена, не говори.

– Хорошо, сейчас вспомню. Так, он вышел из-за дерева, и я сразу заметила родинку. Ее невозможно было не заметить. Кажется, на правой щеке.

– Кажется или уверена?

– Нет, не кажется. Уверена. Она сразу бросилась мне в глаза. Это была необычная родинка. Маленькая, черная и на ней невозможно было остановить взгляд, моментально темнело в глазах, приходилось отводить взгляд и смотреть ему прямо в глаза. Нет, уверена, на правой.

– Хорошо. И последнее. Видела ли маковую поляну с одиноким ветвистым дубом?

– Абба! – вскрикнула Анна, – тебе тоже приснилась маковая поляна?

– Нет, не мне, – сказал тихо Второсвященник. – Значит, видела.

– Да, абба.

– Твой сон вещий и прямой. Стало быть, в самом деле ждешь ребенка.

– О, абба! Я так рада, – она вскочила и поцеловала отца. – Спасибо, родной мой.

Затем радость внезапно сменилась грустью.

– Что такое, доченька?

Рабби Иссахар погладил ее по голове.

– Видишь ли, абба, я тебе, конечно, верю. Но беременность такая серьезная вещь. Ну, как сказать? Мне надо самой почувствовать. А пока я ничего не чувствую.

– Еще рано. Скоро почувствуешь. Не грусти.

– Не грущу, абба. Рада. В самом деле, рада. Ей Богу.

– Вот и хорошо.

– Пойду домой... а ты тоже не грусти тут без меня. Приду завтра.

– До завтра, родная.

Как только Анна ушла, Второсвященник вызвал Иосифа.

– Сходи за Йешуа

11

Йешуа бен Сий был племянником и наследником Второсвященника. Ему недавно исполнилось девятнадцать лет. Но несмотря на свою молодость, он пользовался большим уважением среди священнослужителей Храма. В нем видели достойного преемника Сеган ХаКодешима.

Для молодых священников Храм был не только самым святым местом на Земле, где мистически пребывал Шекинах²⁰, но и целым университетом, в стенах которого они изучали эзотерические учения и иудейские законы.

В Храме всегда происходили обсуждения, порою горячие споры, между приверженцами разных иудейских школ по поводу толкования Торы, обычаев отцов и священных обрядов. Саддукеи, выразители духа иудейской аристократии, полагали, что нельзя отходить от буквы Торы, не верили в загробную жизнь и доказывали, что Коген Гадолу следует готовить кадила-ницу угольев с благовонным курением перед Святилищем во Дворе Священников. А фарисеи, представители иудейских масс, наоборот, считали, что кадила-ницу надо готовить в Гекале²¹, верили в загробную жизнь и опирались на устное толкование Торы. Эссеянцы, подобно фарисеям, верили в возрождение плоти и души после смерти, но в отличие от них – и в этом они сходились с саддукеями – отрицали свободу воли и были убеждены, что все в этом мире строго предопределено.

Каждая из этих трех основных сект распадалась на множество течений, различающихся между собою иногда в едва уловимых, порою курьезных нюансах. Так одни эссеянцы проповедовали тотальное целомудрие, другие воздерживались от совокупления с женщиной все дни недели за исключением среды с тем, чтобы роды позже не выпали на субботу, а третьи даже отказывались убирать свои нечистоты по субботам.

И каждое течение имело собственных проповедников, лидеров, непременно ярких личностей, вокруг которых ученики и последователи кучками собирались на огромной площади Храма. Они могли целыми днями горячо дискутировать, расходиться во мнениях, потом сходиться, объединяться и переходить из одной кучки в другую. Но вопреки всему гвалту и жужжанию, наполняющему двор Храма, их всех объединяло одно – ощущение непосредственной сопричастности к Шекинаху. Иерусалим, верили они, – пуп Земли, сердце Иерусалима – Храм, а средоточие Храма – Святая Святых, где лежал Эбен Шетийах²². На нем некогда покоился Арон ХаКодеш²³, над которым и витало Божественное Присутствие. Ковчег исчез, но все были убеждены, что мироздание по-прежнему покоится на Краеугольном Камне. Его непосредственная близость в каждом вызывала чувство пребывания на самом переднем крае человеческой мысли и веры.

– Мои ученики – лучшие ребята страны! – гордо заявил Элохиму при первой встрече Г.П., глава школы методологов, известный в Храме по инициалам своего имени.

Более яркой личности Элохим не встречал в своей жизни. Г.П. был непревзойденным полемистом. Мог спорить и неизменно побеждать в дискуссии одновременно с сотней подкованных в законе ученых.

У него был непокорный бунтарский нрав. Еще в молодости он основал в Храме Молодежный методологический кружок (ММК) по неортодоксальному изучению Торы. Из ММК выросли такие крупные фигуры как Гилл-Эл, Шаммай и Акабия бен Махалал-Эл. Впоследствии каждый из них создал свою собственную школу. Но только Г.П. всю свою жизнь посвятил разработке методологии мышления в чистом виде. Он изобрел простую схему для любой, сколь угодно сложной, мыследеятельности, состоящую, как он говорил, из «дощечек Мышления, Говорения и Действия». Осмысление взаимосвязи этих трех компонентов, считал он, принципиально необходимо в любой конкретной проблемной ситуации.

Жизнь есть череда проблемных ситуаций. Всякий раз необходимо самоопределиться в своей проблемной ситуации, поставить цель и выработать средства для ее достижения. При

²⁰ Shekinah – Божественное Присутствие, по-арамейски “Memra” или “Yekara”.

²¹ Hekal – Святое Место в Святилище.

²² Eben Shetiyah – Краеугольный (Основополагающий) Камень.

²³ Aron HaKodesh – Ковчег Завета.

этом надо четко отделять собственное мышление от говорения, а говорение от действия. Своих учеников он натаскивал через «марафонные» упражнения для того, чтобы те научились мыслить и действовать посредством говорения, что от них требовало напряженной рефлектирующей работы мозга. В ММК нельзя было без осмеяния произнести ни одного лишнего, неосмысленного слова, поскольку, как полагали методологи, любое высказанное слово, независимо от желания человека, способно менять картину мира. Новая мысль – шаг вперед в человеческом мышлении. Но она посещает не каждого, а лишь особо одаренные умы, и то раз в сто лет. Чтобы добыть крупицу золота, требуется промыть горы песка. Точно так же, чтобы родилось новое слово, надо перемолоть уйму слов. Люди в основном несут чужую чушь, которой забиты их головы. Поэтому можно пропускать мимо ушей почти все из услышанного. Важно не слышать, а видеть или, как говорил Г.П., «слышать глазами» и «видеть ушами». Важно не то, что говорит человек, а то, «как он говорит». Одни говорят, но сами не знают того, что говорят, то есть просто болтают, «исторгают свою словесную блевотину». Другие знают, что говорят, но не умеют состыковать слова с действиями. Надо обдумывать и взвешивать каждое слово, соблюдать золотое правило: «ни словом больше, ни словом меньше». Как в стихе, или четком военном приказе. «Нельзя лезть на белую простыню в грязных сапогах», – любил повторять Г.П.

Методологов легко было распознать по снисходительной улыбочке, вечно гуляющей на их лицах, и по частому употреблению выражений «вроде бы», «как бы» – единственных слов-паразитов в высшей степени артикулированной речи Г.П. При общении с методологом простой смертный не мог отделаться от ощущения, что имеет дело с человеком, лишенным всяких эмоций и видящим собеседника «как бы» насквозь.

У горожан при каждом посещения Храма складывалось смешанное впечатление о происходящем в его стенах. Им все эти бесконечные проповеди, обсуждения казались непонятными, таинственными, окутанными мистическим дымом. Особенно непонятны были методологи и мистики, предшественники каббалистов, представленные во всех трех сектах. Исчисления прото-каббалистов и многоярусные рассуждения методологов оставляли их в недоумении. «Вроде бы, – делились они между собою на обратном пути из Храма, – говорят на нашем языке. Но слова в отдельности понятны, а вместе нет. Какой-то птичий язык». И чем меньше они понимали, тем сильнее проникались божественным трепетом и страхом.

А с высоты крепости Антония, возвышающейся над Храмом с северо-запада, римским воинам открывался иной ракурс: им он напоминал муравейник. Было смешно и забавно наблюдать за странными передвижениями молодых левитов, шныряющих друг за другом подобно маленьким черным муравьям.

Йешуа бен Сий по происхождению принадлежал к задокитам, ветви саддукеев. Но не примыкал ни к одной секте, хотя и прошел школу методологов. Однажды, когда саддукеи упрекнули его в высокомерии, он взял и с одинаковой убедительностью доказал правомерность одного и того же спорного утверждения с трех разных позиций. Тогда его оставили в покое, но по-прежнему продолжали уважать.

В школе Г.П. он научился видеть за высказываниями людей их скрытые намерения. Как и другие методологи, он прошел через изнурительные многодневные упражнения, рефлектируя над собственными и чужими высказываниями в той или иной конкретной ситуации. При этом некоторые чрезмерно усердные ученики Г.П. переходили от одной рефлексии к другой, потом к третьей, а оттуда еще дальше, до тех пор, пока у них ум за разум не заходил или, как говорили в школе, пока у них «крыша не поедет».

Вот тогда они и заговаривали «птичьим языком». И в таких случаях лишь Г.П. мог авторитетно взять их за шкуру и простыми словами вернуть на бrenную землю. Но спасти каждого не удавалось. И во дворе Храма то и дело попадались одиноко блуждающие призраки методологов, ушедших безвозвратно к зияющим высотам мышления. Они-то и служили для римлян на башне Антония особенно большой потехой. Йешуа бен Сий не относился к их числу.

Йешуа бен Сий застал рабби Иссахара в глубоком раздумье. Сеган ХаКодешим предложил ему присесть. В глазах Йешуа бен Сия он воплощал собою непревзойденный образец священничества.

– Йешуа, сын мой, настало время Великого Тайного Предсказания.

Второсвященник, как никто, умел взять быка за рога. Без лишних предисловий.

– Рабби, некоторые мистики в Храме, вроде бы, вычислили, что Мешиах появится в 77-ом поколении от Адама.

– Брось ты эту чушь. Глупую игру в цифры. Она не для нас. Мистики неоднократно пытались раскрыть Предсказание своими исчислениями. Но безуспешно. Не стоит верить им во всем.

– А я и не верю, рабби.

– И правильно делаешь. У меня другое основание. Само Великое Тайное Предсказание. Однако должен тебя сразу же огорчить. Я не смогу передать его тебе перед Парокетом, в Аммах Тераксине²⁴.

– Почему, рабби?

Йешуа бен Сий сам потратил немало времени над текстами Торы в надежде найти кончик нити, ведущей к Великому Тайному Предсказанию. Но всякий раз терпел неудачу и тешил себя надеждой, что когда-нибудь будет посвящен как наследник Второсвященника. Теперь надежда исчезла.

– Это предусмотрено самим Предсказанием. Цепь передачи должна прерваться в тот момент, когда Предсказание проникнет из таинственных истоков сновидений в явь. И это уже происходит.

– Рабби, согласно Исаяи Мешиах вроде бы должен родиться в доме Давида. И от дочери Аарона.

Бракосочетание отпрысков дома Давида с дочерьми Аарона – благородное смешение голубой царской крови со священной кровью – в узком кругу посвященных всякий раз на протяжении веков пробуждало надежду на рождение Мессии – Великого Царя иудеев и Высшего Священника Эл Эйлсона.

– Это так. Но само рождение Мешиаха – величайшая тайна. Она не была известна даже Аврааму. В Предсказании Мелхиседека имеется пробел. На этом месте царь Мелхиседек сделал паузу, перевел дыхание и одновременно скрыл от Авраама или по какой-то причине не смог открыть ему, где, когда и от кого родится Мешиах. На том же месте, вслед за Мелхиседеком и Авраамом каждый аароновский первосвященник впредь также переводил дыхание и, сделав паузу, возлагал Зиз Аарона на голову своему преемнику. Это Тайна Тайн в самом Предсказании.

– Стало быть, и Зиз Аарона не будет передан?

Зиз (Tzitz) Аарона представлял собой золотую полированную дощечку, на которой Моисей собственноручно вырезал надпись: «*КОДЕШ ЛА ХАШЕМ*»²⁵ и прикрепил ее тремя голубыми шнурками к кидару Аарона так, чтобы он мог носить ее на челе. Зиз Аарона являлся последним, восьмым элементом священного наряда коген гадола, как бы венцом первосвященника, знаком того, что его носитель посвящен в Великое Тайное Предсказание. Без него тот не выглядел вполне первосвященником, как это было с хасмонеями первосвященни-

²⁴ Ammah Teraksin – так назывался узкий проход между Святым Местом и Святой Святынь, поскольку дух вступающего смущался в неведении от того, что не было ясно, куда относить этот проход, к Святому Месту или к Святой Святынь.

²⁵ Kodesh La HaShem – Святыня Господня.

ками-назначенцами. Те носили золотую диадему с той же надписью и завязывали ее двумя голубыми шнурками. При этом все знали, что это не настоящий, а поддельный Зиз. Настоящий Зиз Аарона был спрятан Онием Третьим, последним аароновским первосвященником под каменной плитой в Аммах Тераксине. О его местонахождении знали только прямые наследники Аарона. Когда Ирод назначил Анан-Эла первосвященником и тем самым временно восстановил линию Аарона в первосвященстве, Зиз Аарона был извлечен из-под плиты. Однако Анан-Эл отказался передать его Аристобулу. Незадолго до своей смерти он посвятил рабби Иссахара, своего преемника по линии Аарона, в Великое Тайное Предсказание и возложил Зиз Аарона ему на голову.

– Нет, Йешуа, его ты получишь. Перед моей смертью.

Второсвященник сделал паузу и тихо добавил:

– Очень скоро.

– Почему скоро, рабби?

– Подобно Святая Святых, куда дозволено вступать лишь одному и лишь один раз в году, только одному дозволено знать Тайну Тайн. Но и ему нельзя остаться в живых, когда Предсказание переходит в исполнение.

Йешуа бен Сий перевел разговор в иное русло.

– Весть о Мешиахе, наверно, вызовет сильное брожение в народе.

– И потому ты здесь. Она переполошит всех. И боэтианцев, не верящих в Мешиаха, и фарисеев, и особенно эссеянцев и простых людей, живущих одной надеждой на Мешиаха.

– Вроде бы надо обдумать, как действовать дальше.

– Верно. Предугадать возможные действия абсолютно всех. И римлян, и царя Ирода, и Коген Гадола Симона, и его боэтианцев, и фарисеев, и эссеянцев, и, наконец, простых людей. Вычленить все нежелательное. Оценить собственные силы. Выработать ответные меры. И следовать им неукоснительно.

– Надо ли известить Синедрион?

– Это следующий шаг. Но пока не пришло время. И пока оно не пришло, наш разговор надо держать в строжайшей тайне.

– Понятно, рабби.

– А теперь ступай. Тебе есть над чем думать.

Йешуа бен Сий встал, попрощался и направился к двери. Открыл ее. Иосиф, стоявший за дверью, тут же отскочил назад.

– Ты что!?! Подслушивал!?! – крикнул Йешуа бен Сий.

Второсвященник мигом вскочил со своего места.

– Иосиф!?!

Иосиф со всей силой толкнул Йешуа бен Сия в грудь и ринулся к выходу из дома.

– Йешуа, скорее догони его!

Йешуа бен Сий рванулся за Иосифом и услышал голос Второсвященника.

– К Симону! Он побежал к нему.

Йешуа Бен Сию удалось догнать его перед самыми воротами дома Первосвященника. Он налетел на Иосифа и схватил его за шиворот.

– Отпусти! Отпусти!!! – завизжал Иосиф.

– Тихо! Не визжи! Пойдем назад!

– Не хочу! Отпусти же! Ой, больно! На помощь! На помощь! Помогите!!!

Ворота отворились. Оттуда вышли два рослых левита.

– Что такое!?! Отпусти его! – приказал один из них.

Йешуа бен Сий ослабил хватку, но продолжал держать Иосифа.

– В чем дело? – спросил другой левит.

– Он убежал от Сегана. Без разрешения.

– Так уведи его назад. А то визжит как недорезанный поросенок.
С тем левиты отвернулись, чтобы уйти за ворота.
– Не уходите! Подождите! – взмолился Иосиф. – Доложите Коген Гадолу!
– Что доложить?
– У меня важная весть для него.
Левиты посмотрели друг на друга.
– Заходите оба во двор! – приказал первый левит тоном, исключаяющим неповиновение.
Йешуа бен Сий презрительно взглянул на Иосифа и отпустил его. Они вслед за левитами прошли во двор.
– Ждите тут! – повелел тот же левит, видимо, старший из них, и один вошел в дом.
Вскоре он вернулся.
– Ты можешь уйти, – обратился он к Йешуа бен Сию. – Его Преосвященство Коген Гадол сам разберется с ним.

13

В это же самое время Элохим добрался до вершины горы Соблазна. Он перевел дыхание и подошел к пещере. Из нее навстречу вышел юноша с родинкой на щеке.
– А Элохим! Наконец-то добрался! Стареем, стареем!
Элохима удивил тон юноши. Голос был тот же, но тон был каким-то фамильярно-фривольным.
– Пошутил. Не обижайся. Смотри, какой вид открывается на Иерусалим. Словно весь город у тебя на ладони. Такой маленький.
Элохим повернулся и посмотрел на город. Люди казались движущимися точечками. Юноша как будто читал его мысли.
– А смотри-ка, смотри, люди-то копошатся как муравьи в муравейнике.
Юноша неожиданно разразился сардоническим хохотом, мерно и звучно захлопав в ладоши.
– Вот потеха! Такой маленький город! Такие маленькие людишки! И воображают себя пупом Земли, центром Мироздания. Рим, конечно, и побольше, и покрасивее. Как-никак столица Мира. Но великие события творятся не там. Нет, не там, а здесь, вот в этом самом муравейнике. Можешь себе представить?
Элохим стало не по себе. Ему не нравилась манера юноши. Было непонятно, шутит ли он или говорит всерьез. Юноша словно читал его мысли.
– Это моя беда. Даже Он сам упрекал меня. Мол, выбери ровный ясный тон, а то не поймешь, шутишь ты или говоришь всерьез. А я говорю Ему, мол, научи. Говорю, как умею. Не могу иначе. Ты-то все можешь. Почему бы Тебе не помочь? Так о чем мы болтали?
– Об Иерусалиме, – ответил Элохим.
– Верно. Об Иерусалиме. О, Сион, Сион! Дщери твои бесстыжи! Ой, извини. Не туда загнул. Так вот. Все крупные события, так сказать, мирового значения, сначала варятся в Иерусалиме. Как бы за кулисами. А лишь потом они выставляются на сцену в Риме, Афинах, Александрии или еще где-нибудь, ну скажем, на поле битвы. Кажется, это наконец-то поняли и сами римляне. Потому и пришли в Иерусалим. Ну, как бы зашли на кухню посмотреть, какую еще кашу жиды заваривают миру на завтрак. А что, есть возражения?!

И юноша приподнял левую бровь. Элохим невольно опустил глаза, и его взгляд соскользнул на родинку. Сразу потемнело в глазах.
– Ну не отвечай, коли не хочешь. Дело барское.

– Римляне сильны, – сказал Элохим вопреки собственному желанию, – но черпают силу из тщеславия, человеческой гордости. Им до сих пор везет. Еще не столкнулись с более мощной силой, способной переломить им хребет.

– Ай да Элохим! Ай да молодец! А язык-то какой. Хре-бет! Пе-ре-ломить! Вот даешь! Но сущая правда. Потому они и чувствуют себя в Иерусалиме как не в своей тарелке. Слоняются бесцельно по городу или торчат на башне Антония и не врубаются: что же происходит? Вроде бы и захватили город, как до того захватывали сотни городов вокруг Средиземноморья, превратив его, то бишь, в свой внутренний прудик. Но заметь, и это важное «но». Кто же хозяин? Жиды как жили сто, тысячу лет назад по своим законам и обычаям, так и продолжают жить. Сами римские властелины и императоры, начиная с Помпея и Цезаря и кончая Августом, один за другим письменно признавали за ними право жить по отцовским законам и обычаям. Заметь, только за евреями, больше ни за кем. Даже грекам и египтянам отказывали. И все эти грамоты выбиты на бронзе, выставлены перед Сенатом в Капитолии и разосланы во все крупные города империи, где живут жиды. И попробуй только их нарушить! Римская мощь переломит тому хребет!

И юноша лукаво подмигнул Элохиму.

– А сам-то случайно не римлянин? – спросил Элохим, вновь не желая того.

– Я!? Нет, что ты!? У меня нет римского гражданства. Попытался однажды получить. Сказали, надо подать прошение в Сенат. Потом ждать, ждать и опять ждать. Дескать, Сенат завален прошениями. Дескать, все прут в Рим. Со всего света. Кому не лень. А у Сената своих делов до х*я. Мол, «парфянский царь прячет у себя х*й знает что, какое-то страшное оружие и паскуда не сознается». Цезарь, дескать, нетерпелив и хочет идти войной на него. А у меня тоже нет терпения. Говорю, «в гробу в белых тапочках видел ваше гражданство. Дайте мне хоть пожить в Риме!». А они говорят, причем вежливо: «Пожалуйста, только безвыездно». А я говорю: «Сколько? месяц? год?». А они: «Шутишь, что ли? С луны свалился? Люди ждут по десять, двадцать лет». А я тогда говорю, причем тоже вежливо: «Вы что, ребята, ох*ели. Мне!? Двадцать лет? Безвыездно?! Идите-ка со своим Римом на х*й! Лучше я пойду в Иерусалим!»

– Ну и язык же у тебя! Стал каким-то скабресным.

– Извини, братан. Только вернулся с крайнего Севера. И из далекого будущего. Нахвтался там. Язык у них жесткий, хлесткий, но выражает мысль точно и выпукло.

– Видно.

– Не язви, Элохим, не язви! Не советую. Просто еще не оклемался окончательно. Трудно вот так сразу переключаться на ваше вежливое иерусалимское наречие.

– Ничего не имею против языка. Валяй как тебе удобно, – вновь непроизвольно сказал Элохим и удивился собственным словам.

– Ай да, Элохим! Не зря говорят: «дурной пример заразителен».

– Наверное.

– Так вот теперь мотаюсь по странам, городам, по всему миру, вдоль и поперек. И добавлю. Во времени тоже, взад, вперед. Так что считай меня гражданином ну... Вселенной, что ли?

– Забавный ты юноша.

– Юноша!? Хм. Ну, впрочем, как угодно. Быть забавным – мое первое достоинство.

– А второе?

– Прямота.

– Ну тогда скажи мне прямо. Кто же ты?

– Прямо!? Прямо!?

– Ну да.

– Хорошо. Скажу. Я Его единородный сын, Элои!

– Я тебе не Элои, а Элохим, – недовольно возразил Элохим.

Только Анна звала его Элои.

– Ты прав. Ты Элохим, Элои и Эл одновременно.

– Кажется, потешаешься надо мной. Будь осторожен, – предупредил Элохим.

– Я всегда осторожен. Но извини. Вижу, вижу! Меч Давида при тебе! Как страшно! Ну хорошо. Давай говорить почтительно. И о почтенных вещах.

Элохим промолчал.

– Давай поговорим о Рубене. Теперь-то знаешь, что он был не прав. Ну попал человек впросак. Ну что теперь делать? Зарезать его что ли за это? Остынь. Не честь ведь твою он задел.

Элохим неожиданно для самого себя вlepил юноше пощечину. Словно шлепнул ладонью о железный столб. Пальцы от боли горели. И он понял, что перед ним неземная сила.

– Больно!? Извини. Предупредил бы. Я бы настроил себя на мягкий лад. Стал бы как воск. Хорошо. Продолжим. Вернемся к Нему. Так вот через Него мы с тобой почти родня.

– Что тебе нужно от меня?

– Какой прямой вопрос. Отвечу прямо. Ничего. Тебе нечего дать мне. А вот у меня есть что дать.

– Что?

– Правду.

– Правду!?

– Да, да, правду! Такую круглую. Как ж*па. Правдивость мое третье и последнее достоинство.

– А что такое правда?

– Никто не знает. Кроме меня, конечно. Первая правда: Ему ужасно одиноко. Вторая правда: Он иногда сильно скучает. И наконец, третья правда: когда Ему очень скучно, Он затевает какую-нибудь очередную злую шутку.

– Не понимаю.

Рассказ Сатаны о грехоподении, или О том, почему Адам «пахал» на Бога бесплатно

– Ничего. Вот возьми шутку с Адамом. Он при всем честном народе пообещал ему владычество над миром. Не вру. Клянусь! Собственными ушами слышал. Да и в вашей книге так написано. Проверишь у тестя, как вернешься в Иерусалим. Так вот. Обещал, но потом вдруг передумал. Ни с того, ни с сего. Взял и поставил бедного Адама садовником в своем саду. Ему нравилось прогуливаться там в прохладе дня и насвистывать себе под нос песенки. Ну, сам скажи, есть разница между владыкой мира и простым садовником? Чего молчишь? Есть или нету?

– Есть.

– Молодец! Ты абсолютно прав. И что же там, в саду делал Адам, пока Он насвистывал песенки. Как ты думаешь? Ждал, пока Он вспомнит о своем обещании? Нет. Не поверишь! Пахал. Как проклятый. С утра до вечера. Пахал и пахал. Даже Ему стало жалко его. Говорит, нехорошо Адаму пахать одному. Давай дадим ему помощника. Пусть вкальвают вдвоем. Я осторожно заикнулся про владычество. И знаешь, что сказал? Ей Богу не угадаешь! Ну, я не скажу слово в слово. Даже у моих северных друзей на нарах завяли бы уши. Ну, а если перевести на любезное иерусалимское наречие, приблизительно так: «Не суй свой нос, куда не просят. Пошел вон!». Меня, своего родного сына, прогнал прочь. Ну, сам скажи. Как тут не обидеться? А все меня называют коварным. Я не более коварный, чем ты. Я не коварный, а обидчивый. Как все. Как ты. Тоже ведь обижен на Рубена. Вот и попытайся понять меня.

– Пытаюсь.

– Попытайся, попытайся. «Попытка не пытка», – говорил один усатый злодей.

Элохим слушал сначала серьезно, но тут улыбка пробежала по его лицу.

– Так вот, взял Он этого Адама, да и усypил, как собаку какую-нибудь. Вынул ребро и создал из него эту красотку без мозгов. И говорит, не трожь ее, она тебе дочь. Этого нет в вашей книге. Не все же напишешь там. Но клянусь, не вру. Сам слышал. А Адам, бедный, не врубается, точно как римляне в Иерусалиме, вытаращив глаза, оглядывается по сторонам. Еще говорит, не трожь вот то дерево. А то подохнешь. Как скотина. А все остальное можно трогать. «Панял!? А теперь нечего стоять. Ступайте обрабатывать фрукты моего сада. Вдвоем, на пару». Так и сказал «моего». И ушел, насвистывая под нос. А я сорвал яблоко с запретного дерева и подкатил к красотке. Говорю: «Ешь!». Говорит: «Нет!». Говорю: «Ешь, дура, нет мозгов, может поумнеешь». Чем черт не шутит? Говорит: «Как нет мозгов?». Говорю: «Вот так нет. С рождения! Tabula rasa!». Говорит: «А у Адама есть?». Говорю: «Тоже нет! А то не пахал бы как проклятый». Говорит: «Да-а-а!?!». Говорю: «Ну да!». Говорит: «А что, тогда тут есть?». И указывает пальчиком на свой маленький лобик. Говорю: «Да нет ничего там, дура! Пусто! Как в барабане». Говорит: «Да-а-а?!». Говорю: «Ну да!!!». Говорит: «А почему?». Говорю: «Х*й его знает!». Прямо зае*ала. Говорит: «А что такое х*й?». Говорю: «Да хрен его знает. Потом узнаешь». Говорит: «Когда потом?». Говорю: «Скоро, скоро! Но теперь, ешь!». Говорит: «Нет, а то умру». Говорю: «Кто сказал?». Говорит: «Он, – подняв свои глазки и палец к небу, – сказал Адаму». Говорю: «Адам дурак, не верь ему. Бог обманул его, ибо знает, что *в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло*. Так что, ешь, дура, ешь, не умрешь». Говорит: «Раз так, тогда съем». Говорю: «Умница!». И представляешь? Зае*ала, но съела. Даже удивила меня. Но умнее не стала. Адам также съел. И тоже не поумнел. Элохим, я тогда не врубился, из чего же эти долдоны сделаны? Вместо того, чтобы скорее бежать к другому дереву и слопать от него, чтобы жить вечно, эти безмозглые идиоты... Ну и как ты думаешь, что они сделали?

– Не знаю.

– Удрали в кусты. Даже не успел им подсказать, куда им надо бежать. Мол, услышали Его свист и устыдились. Ей Богу, круглые идиоты. Надо же. Даже дерево познания не подействовало. Чем же на них еще подействовать? Какие-то необратимые идиоты, – юноша покрутил указательным пальцем у виска и продолжил. – Теперь-то я понимаю, что Он их специально сварганил идиотами. И Он злую шутку сыграл не столько с ними, сколько со мной.

– С тобой?

– Да, да! Со мной! А как еще иначе понять Его слова: *«Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни...»*. Постой! Как это – «один из нас»?! Как считаешь? Похож я на круглого идиота?

– Нет, не похож.

– Тоже так думаю. Ну как тогда прикажешь понять это – «как один из нас»? Как Он? Или как я? Ну спасибо, уж точно не как я! То дерево несло знание не только о добре и зле, но и о дереве жизни, что Он тщательно скрывал. Сам скажи, как дерево, несущее знание, может нести и смерть? Разве Он сам собственноручно не подтвердил мою правоту? Вдумайся еще раз в Его собственные слова после каждого «и»: *«И теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»*. Значит, я был прав один к одному, говоря той безмозглой дуре, что «ешь, не умрешь»! А наоборот! Проживешь вечно! Прав или нет!? А, Элохим!? Скажи!

– .....

– Молчишь. Эх ты! Знаешь, да молчишь. И тогда я задал себе вопрос: зачем Ему понадобилось разыгрывать всю эту комедию с этим деревом познания, да еще добра и зла, и с этим деревом какой-то вечной жизни. Ведь знал же заранее, что эти идиоты необратимы. Сам же их создал. И вдруг до меня дошло, увы, слишком поздно. Он просто решил поиздеваться надо мной и избавиться от меня. От своего родного сына. Знал бы раньше, не влез бы не в свое дело. И не получил бы по е*альнику. Мои московские друзья так и объяснили мне, коротко и ясно: «Инициатива наказуема».

– Великая правда! – неожиданно для самого себя воскликнул Элохим.

– Молодец! Теперь-то убедился, насколько я правдив?

Юноша словно заколдовал Элохима. Ему стало легко и приятно общаться с ним. Они сели на камни у входа в пещеру, лицом к городу.

– Так, стало быть, ты падший ангел?

– Ценю твою тактичность. Не назвал меня ни дьяволом, ни сатаной, ни змеем. Евреи, несомненно, самый любезный народ в мире. Вы, евреи, способны даже убить человека вежливо и любезно. Ценю. Падший ангел! Звучит неплохо, поэтично.

– Но не сын Эл Эйлсона.

– Как не сын? Сам себя сделал что ли? Пораскинь мозгами. Он сотворил все. Меня, кстати, Он произвел в промежутке между шестым и седьмым днями. Специально остановил время. Я у Него старший, своего рода наследник, а вот мой близнец на одну секунду моложе. Нет у меня другого Отца. Он даже присутствует в моем имени, впрочем, как и в твоём.

– И как тебя зовут?

– Аз-Эл!

– Аз-Эл?

– Ну да. Впрочем, так называют меня люди, когда ищут козла отпущения. А вообще-то зовут меня по-разному.

– А как настоящее имя?

– Ишь чего захотел! Не дозволено простым смертным знать то, что известно лишь Ему одному. И все же сделаю исключение для тебя и скажу, что оно оканчивается так: *** – Эл бен Эйлсон. Ну теперь-то убедился, что я Его сын?

- В какой-то мере.
- Ну продолжай сомневаться. Мне без разницы. А вот отцовство Его следующего сына будет будоражить лучшие умы долго, столетиями. Люди потеряются в догадках. Кто же настоящий отец? Придумают всякого рода небылицы. Но истину будут знать двое.
- Кто эти двое?
- Отец и мать.
- Ну естественно, отец и мать. Кто же еще, как не они? – съязвил Элохим. – А нельзя ли поконкретнее?
- Точно хочешь, чтобы я опять получил по е*альнику.
- Не я начал разговор.
- Я не вестник. Это миссия Габри-Эла. Спросишь у него. Вы уже знакомы друг с другом.
- Ты имеешь в виду того, кто приснился мне утром. А я думал, что ты и есть он.
- Нет, просто мы не различимы. Даже родинки одинаковые.
- Азиз-Эл пристально посмотрел на Элохима и понял, что тому и в голову не пришло вспомнить, на какой щеке была родинка у его близнеца.
- Лучше скажи мне, зачем тут торчишь? Иди к жене. Ты же знаешь. Она беременна.
- Знаю.
- Ну двигай тогда. Ханука в разгаре. Все веселятся, бесятся на улицах. Только ты один как пень торчишь тут. Из-за тебя и Анна страдает. А волноваться ей вредно. Согласен?
- И да, и нет.
- За такой ответ мои северные друзья откручивают человеку башку. Как это, «и да, и нет»? Есть разумные возражения, выложи. Не тупой, пойму. А если нет, шуруй домой.
- Послушай. Не скрою, говорить с тобой интересно. Даже приятно. Но давай на этом кончим.
- Ого, исчезла вежливость. До сих пор не могу взять в толк. Из чего же эти идиоты сделаны? И вообще, на х*я они сделаны? Вы что! И в самом деле все беспросветно е*нутые, или мне так кажется? Сын Давидов! Лучший из лучших! Уж лучше не может быть. Ты ему одно, приводишь разумные доводы, маленько заботу проявляешь, а он тебе прямо в рожу хамит. Нет, чтобы сказать спасибо.
- Я не хотел грубить. Она просто не ждет меня сегодня.
- Так сделай сюрприз.
- Что сделать?
- Сюрприз. А, забудь. Жаргон северян. Обрадуй ее, внезапно. Ты же не против обрадовать жену?
- Нет, не против. Но не уверен, что обрадую.
- Не носи чушь. Какая жена не рада хорошему мужу. Или не уверен в своей мужской силе?
- Не переходи черту.
- Ладно. Ладно. Не злись. Лучше подумай.
- Хорошо, подумаяю.
- Ага! Вот это разумно. Подумай хорошенько. Взвесь все «за» и «против». Потом сам решай. Ну, мне пора. В самом деле! Сказал северным друзьям: выскочу на часок. Ждут меня. Пообещал раскинуть рамсы между братвой. До встречи!
- Прощай!
- Не забудь, Анна обрадуется.

Смеркалось. Было уже не светло, но еще и не темно. Нечто между сумерками и темнотой. Элохим вышел из пещеры и сел на камень. Было холодно. Он достал из-за пазухи старую одежду, развернул и закутался в нее. Город внизу медленно погружался в темноту. Были видны движущиеся огненные точки. В неисчислимом количестве. Это горожане с зажженными факелами в руках шествовали по улицам Иерусалима. Не зря Хануку называли Праздником Света.

«Что делает Анна? Наверное, ей одиноко и грустно. Трудно смотреть, как другие веселятся», – Элохим тяжело вздохнул. Разговор с Аزاز-Элом под конец обернулся полным разочарованием. Ему очень хотелось встать и спуститься вниз. Пойти домой, обнять Анну, обрадовать ее, зажечь праздничную менору. Но он сдерживал себя. Еще отец его наставлял: «Не уверен, не действуй». И он медлил, принимая решения, но, приняв их, действовал быстро и напористо.

Отец был набожен. Хорошо знал Тору. Как-то он рассказал ему историю Адама. Иначе, чем Аزاز-Эл.

Когда Элохиму было тринадцать лет, он взял его с собой на Йом Кипур в Иерусалим. Жили они тогда в Вифлееме. Элохим впервые в жизни оказался в стенах Храма. Отец подвел его к Святилищу и сказал:

– Kodesh HaKodashim вот там, внутри. На том самом месте, где родился Адам и где Авраам должен был принести Исаака, своего возлюбленного сына, в жертву Богу.

И он пересказал историю грехопадения и жертвоприношения, как они представлены в Берейшите. А потом добавил:

– Адаму было обещано владычество над миром. Но Господь Бог сделал его садовником. Нет на свете ничего благороднее, чем ухаживать за деревьями. Этого Адам не оценил. И не понял, что садовничество есть на самом деле благородное испытание. Испытание его веры. Но страсть к Еве была сильнее. Вера его черпала силу не из любви, а из страха. Любовь и веру разделяла пропасть. Он относился к ХаШему²⁶ не как к Творцу, а как к грозному Хозяину Эдема. Бога надо любить, но верить в него из страха неверно. Любовь и вера неразлучны. Лишь тогда вера тверда и несокрушима. Даже если при этом Бог по человеческим меркам покажется чрезмерно жестоким. Такова была вера у Авраама, но не у Адама. Авраам превозмог силу отцовской любви, когда Бог повелел ему прийти вот сюда на вершину горы Мориа и принести Исаака в жертву. По человеческим меркам не придумаешь ничего более мучительного и беспощадного для любящего отца. Исааку тогда было столько же, сколько тебе. Представь себя на его месте. И представь меня на месте Авраама. И тогда поймешь, каково было им. Авраам перешагнул за человеческое понимание добра и зла, по ту сторону, и занес нож над Исааком. Лишь ему одному известно, что он испытывал в тот момент. Адам – другое дело. Он нарушил Его завет. Смалодушничал. Струсил. Отнесся к Нему по человеческим меркам, как обиженный раб к своему господину, забывшему сдержать свое обещание. И он не выдержал испытание. Запомни, Бог испытывает веру каждого. И лишь однажды в жизни.

Элохим был тогда поражен рассказом, а отец, заметив его состояние, прибавил:

– Но нам, простым смертным, надо быть благодарными Адаму, отцу рода людского. И особенно тебе и мне, сынам Давидовым. Давиду было суждено умереть при рождении. Но Адам попросил Бога отрезать от своей жизни семьдесят лет и дать Давиду, когда Бог ему открыл судьбы будущих поколений людей. И Адам прожил 930 лет, а не 1000, как было изначально задумано.

---

²⁶ HaShem – Господь Бог.

История была одна, но рассказы разные. Разные по смыслу, по тону. Хотя в чем-то и сходились. Отцовский был серьезен и поучителен, а рассказ Азаз-Эла забавен, но не совсем понятен Элохиму по смыслу. Он не спрашивал себя, какой из них правдивее. Тут бессмысленно подходить с мерками правды и неправды. Каждая версия, даже рассказ Азаз-Эла, имеет право на существование и содержит в себе крупицу истины. Вопрос в другом. Зачем Азаз-Элу понадобилось рассказывать ему об Адаме? И тут его осенило, что в самом вопросе и содержится ответ. Азаз-Эл, по сути, рассказал ему не об Адаме, а о себе. Он хотел очаровать и завоевать его. На какую-то минуту ему даже это удалось. Элохим вспомнил, как у него непроизвольно вырвалось – «Великая правда».

Чего же добивался Азаз-Эл? Он убеждал его уже сегодня идти к Анне. Зачем? Тогда как его близнец сказал: лишь через тридцать дней. Даже указал точное время и место.

Элохим вспомнил слова царя Мелхиседека: отныне каждый прожитый тобою день есть исполнение Великого Тайного Предсказания. Стало быть, Азаз-Эл хотел нарушить ход событий. Переместить во времени событие, предназначенное случиться через тридцать дней, назад, на сегодня, и вызвать тем самым совершенно другую цепь событий. Стало быть, дело не в Адаме, а в Великом Тайном Предсказании. Стало быть, Азаз-Эл хотел предотвратить его исполнение.

Элохим облегченно вздохнул.

Уже наступил вечер. Исчезла в темноте линия горизонта, исчез город, исчезли деревья на склоне горы и в долине Кедрон. Элохим ощутил себя в океане темноты, освещенном бесчисленными мерцающими звездами над головой и мигающими огоньками внизу в городе.

Внезапно вспыхнули огни Храма, высветив в темноте его ровные прямоугольные очертания. Он напоминал ярко освещенный корабль, словно плывущий в воздухе. Следом одновременно зажглись огни по всей длине городских стен. И до него донесся единый возглас многотысячной толпы «Hal-El lu-yah!!!». Мурашки пробежали по коже. Выступили слезы.

Быть может, настал час испытания. Испытания, которое происходит лишь однажды в жизни. Выдержит ли он его?

Он встал, поднял голову и посмотрел вверх. Мерцали мириады звезд. Безразлично. Потемнело в глазах. Лишь ступнями ощущал землю. Стало жутко одиноко. Ему хотелось ухватиться за что-то. И он нащупал скалу у пещеры. Ощутил ладонью ее леденящий холод. Скала. Холод. Гора.

– Гора!? – он повторил вслух. – Как же я мог забыть, – прошептал Элохим. – Это же гора Соблазна!

15

После оглушительного «Hal-El lu-yah!» люди в Храме обратились друг к другу с поздравлениями. Они делились друг с другом своими впечатлениями, любовались вместе красотой иллюминации над стенами Храма и города. Затем стали расходиться. Толпа медленно стекалась к Тройным воротам. Второй день Хануки подходил к концу.

Между тем день еще не кончился для многочисленных священнослужителей. Им предстояла большая работа по приведению территории Храма в порядок.

Во Дворе священников, стоя на первой из двенадцати ступенек перед входом в Святылице, Симон бен Боэтий высказывал свои замечания двум мемунам, которым предстояло их облечь в язык четких распоряжений и спустить вниз по всей пирамиде храмовой власти.

Еще перед вечерней службой помощники Первосвященника распространили среди членов Синедриона его решение созвать собрание после Тикким Хатзота²⁷.

²⁷ Tikkim Hatzot – Молитва в полночь.

Теперь члены Синедриона недоуменно спрашивали друг у друга: почему так поздно ночью? В чем спешка? И только Второсвященник догадывался об истинных причинах внезапного созыва Синедриона.

Когда Йешуа бен Сий рассказал ему о случившемся перед домом Первосвященника, он ответил коротко: «Теперь жди Синедриона. Симон не из тех, кто попусту теряет время». Случилось худшее, самое нежелательное. Контроль над событиями перешел к Коген Гадолу. И Сеган ХаКодешим осознал, что вернуть его будет сложно.

Второсвященник в сопровождении Йешуа бен Сия направился к Воротам освещения. Но когда они проходили мимо Первосвященника, тот остановил его.

– Иссахар, одну минуточку!

Первосвященник сошел со ступеньки и подошел к ним.

– Очень расстроился самовольным поведением Иосифа. Решил его примерно наказать.

Между тем, Храм может подыскать ему замену. Если, разумеется, не возражаешь.

– Нет, не возражаю. Будь любезен. И заранее благодарен тебе за это.

– Я так и предполагал. Ну что ж, увидимся в Синедрионе.

Второсвященник и Йешуа бен Сий отошли от Первосвященника.

– Рабби, зачем вам еще один Иосиф?

– Нужен. Я примерно знал всех доносчиков в своем доме. Знал, кто кому стучит. Кто Симону, кто Ироду, а кто римлянам. Но, признаюсь, никак не подозревал Иосифа. Доверял ему больше, чем другим. Казался мне порядочным многообещающим юношей из благородной семьи. Увы, ошибся. На ошибках никогда не поздно учиться. Даже мне, старику. А потом, они все равно кого-то пришлют взамен. Пусть посылают нового Иосифа. Зато буду знать, кто есть кто.

Не только дом Второсвященника, но весь город был опутан густой сетью доносчиков. И таких сетей было несколько. Храм располагал самой большой из них. Меньшую сеть держал в своих руках царь Ирод. Еще меньшей довольствовались римляне. Почти каждый третий горожанин был доносчиком и многие из них двойными и тройными. Люди жили в непреходящем страхе. Особенно боялись Тайной службы царской безопасности, которую возглавлял Ахиабус, двоюродный брат царя Ирода. Город был полон слухов об изуверских пытках в подземельях дворцовой Крепости. И потому горожане постоянно опасались прилюдно высказывать свое мнение.

Лишь только Дура-Делла пользовалась роскошью свободы слова. Но даже она в своих проклятиях, обращенных к небу, благоразумно обходила молчанием имена Первосвященника, царя, императора и Ахиабуса.

Люди настолько сжились с постоянным страхом, что не могли себе представить иную жизнь. А наиболее остроумные относились к жизни в Иерусалиме по-философски, с юмором. Г.П. однажды, лукаво подмигнув, сказал Йешуа бен Сию:

– Если посадить трех иерусалимцев вместе в одну комнату, то на следующий день один из них станет лидером, другой шестаком, а третий стукачом.

Второсвященник и Йешуа бен Сий подошли к воротам.

– Рабби, где намерены отдохнуть до Синедриона? В Храме или дома?

– Пожалуй, останусь тут. А ты иди домой.

– Приду за вами к концу Синедриона.

– Будет очень поздно. Впрочем, решай сам.

После ночной молитвы семьдесят один член Синедриона собрались в Лискат ХаГазите²⁸

---

²⁸ Liskat HaGazit – Дом Тесаных камней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.